

ДОГМАТЪ О СВЯТОЙ ТРОИЦѢ И ПОЛНОЕ ЗНАНІЕ ¹⁾.

Догматъ о Святой ТроицѢ есть основаніе всего христіанскаго ученія. Это первый и самый главный изъ всѣхъ догматовъ христіанства, но вмѣстѣ и самый трудный для уразумѣнія. Ни объ одномъ изъ нихъ нельзя сказать, что онъ вполне и совершенно постижимъ для насъ, а объ этомъ можно и должно сказать, что онъ вполне и совершенно непостижимъ. Отъ насъ требуется только вѣра въ него. Но вѣра можетъ быть и слѣпая и разумная. Разумная вѣра есть такая вѣра, которая имѣетъ твердое разумное основаніе. Какая же вѣра требуется отъ насъ въ этотъ догматъ? Есть ли разумное

¹⁾ Догматъ о св. ТроицѢ, имѣющій свое основаніе въ непрерываемомъ свидѣтельствѣ св. Писанія и св. Преданія, часто служитъ предметомъ нападокъ вслѣдствіе своей непостижимости и мнимаго противорѣчія законамъ мышленія и разума. Это обстоятельство сообщаетъ особую важность и интересъ всякой попыткѣ философскаго обоснованія этой коренной истины христіанской вѣры. Подобные опыты, если иногда и не достигаютъ поставленной задачи, то во всякомъ случаѣ будятъ богословскую мысль и служатъ залогомъ появленія другихъ, болѣе удачныхъ трактатовъ. Предлагаемая вниманію читателей статья представляетъ собою такую именно попытку исключительно рациональнаго обоснованія догмата о св. ТроицѢ. Живой интересъ, съ которымъ авторъ занимался изслѣдованіемъ догмата, и оригинальность примѣненія выводовъ теоріи познанія къ его выясненію служатъ достаточнымъ оправданіемъ появленія настоящей статьи въ печати. Отдѣльныя выраженія не вполне, быть можетъ, точныя съ богословской точки зрѣнія, редакція оставляетъ на отвѣтственности автора, не принадлежащаго къ числу богослововъ-спеціалистовъ, такъ какъ по его желанію статья печатается безъ всякихъ измѣненій.

основаніе для нея, которое бы оправдывало и дѣлало ее необходимою? Не можетъ быть, чтобы человѣкъ не могъ найти такого основанія при изученіи міра и особенно самого себя. Если человѣкъ созданъ по образу и подобию Божію, то въ себѣ самомъ онъ долженъ искать и можетъ найти искомое основаніе. Для человѣческаго ума единство немыслимо безъ множества. При мысли о Богѣ ему кажется равно необходимымъ мыслить Его и единымъ и не единымъ: существо разумное не можетъ быть одно, а существо всесовершенное, высшее всѣхъ существъ, можетъ быть только одно. Кто не въ силахъ въ этомъ случаѣ примирить единство со множествомъ, тотъ по необходимости долженъ остановиться или на одноличномъ монотеизмѣ или на многоличномъ политеизмѣ. А такое единобожіе, какъ неполнѣ истинное, не можетъ долго удержаться. Исторія показываетъ, что большая часть рода человѣческаго предпочитала многобожіе единобожію, — вѣроятно потому, что первое для него доступнѣе и понятнѣе послѣдняго. Человѣкъ начинаетъ судить о Богѣ по себѣ, начинаетъ творить себѣ боговъ, хотя и не въ такомъ смыслѣ, въ какомъ говоритъ Фейербахъ, что не Богъ создалъ человѣка по образу и подобию Своему, а человѣкъ создалъ бога по образу и подобию своему. Сначала человѣкъ творитъ боговъ по образу и подобию своему, а потомъ — по образу и подобию окружающихъ его предметовъ, одушевленныхъ и неодушевленныхъ, и понятіе о Богѣ все болѣе и болѣе искажается.

Первоначальное истинное понятіе о Богѣ, при развитіи своемъ, идетъ отъ единственности къ множественности. При правильномъ развитіи оно ведетъ къ признанію множественности нераздѣльныхъ лицъ, составляющихъ одно существо, односущныхъ и равныхъ между собою; а при неправильномъ развитіи оно ведетъ къ признанію множественности отдѣльныхъ лицъ, не составляющихъ одного существа, неодносущныхъ и неравныхъ между собою. Многобожіе произошло вслѣдствіе непониманія разницы между лицомъ и существомъ; въ противномъ случаѣ, оно не могло бы и явиться. Поэтому многобожіе въ нѣкоторомъ смыслѣ есть какъ бы косвенное доказательство истины догмата о Св. Троицѣ: оно есть искаженіе этого догмата. Но не то бываетъ при развитіи первоначальнаго ложнаго понятія о Богѣ. Истинное понятіе при

неправильномъ развитіи своемъ приводитъ къ политеизму, а ложное при правильномъ развитіи своемъ ведетъ или къ пантеизму или къ атеизму. Кто признаетъ Бога творцемъ, а не душою міра, или общею міровою силою, т. е. кто подъ именемъ Бога разумѣетъ существо самобытное, существо, которое не только отдѣльно или независимо отъ міра, но и выше міра, которое создало этотъ міръ и притомъ создало не по необходимости, а по свободной волѣ, не потому что не могло не создать, а потому что хотѣло создать,—кто признаетъ Бога такимъ, тотъ тѣмъ самымъ признаетъ въ Немъ лице, потому что не признавать Его существомъ личнымъ значить не признавать Его существомъ разумнымъ, сознательнымъ и свободнымъ, а не признавать Его такимъ—все равно, что не признавать Бога, или быть атеистомъ. Кто признаетъ Единого Бога, тотъ имѣетъ болѣе правильное понятіе о Немъ, нежели тотъ, кто признаетъ многихъ боговъ; но кто въ Единомъ Богѣ признаетъ и едино лице, тотъ имѣетъ менѣе правильное понятіе о Немъ, нежели тотъ, кто въ Единомъ Богѣ признаетъ не одно лицо. Самое же правильное понятіе о Богѣ имѣетъ тотъ, кто признаетъ Три Лица, или Три Особи во Единомъ Существовѣ, называемомъ Богомъ—Триединого Бога. Грубо ошибаются тѣ, которые почитаніе каждаго изъ трехъ лицъ Божества полнымъ и совершеннымъ Богомъ называютъ троебожіемъ, какъ однимъ изъ видовъ многобожія. Они говорятъ: „если первое лицо—Богъ, и второе—Богъ, и третье—Богъ, то развѣ это не три Бога? Если три составляютъ одно, или одно состоитъ изъ трехъ, то не ясно ли, что это *одно* есть цѣлое, а эти *три* суть его части и члены? Но можетъ ли часть быть равна своему цѣлому? Если бы христіане говорили, что они признаютъ одно Божество и трехъ Боговъ, т. е. Божество, состоящее изъ трехъ Боговъ, то это было бы вполне понятно. Въ такомъ случаѣ Божествомъ называлось бы собраніе или общество Боговъ, а чѣмъ совершеннѣе общество, чѣмъ болѣе собраніе индивидуумовъ имѣетъ правъ на названіе общества, тѣмъ болѣе оно имѣетъ *единства*. Не объединенное, не организованное собраніе лицъ не есть общество, не есть единица: понятіе объ обществѣ предполагаетъ извѣстное устройство, называемое организаціею; общество есть организмъ, а организмъ есть единство, есть *единица*. Въ этомъ

смыслъ богословское ученіе о Троицѣ и Единицѣ не заключало бы въ себѣ никакого противорѣчія и потому не поражало бы своею странностью. Сказать, что три Бога составляютъ одно Божество и сказать, что три Бога составляютъ одного Бога—не одно и тоже. Правда, христіане не говорятъ: „три Бога“; такого выраженія они не употребляютъ, оно запрещается. Но это-то и удивительно. О каждомъ лицѣ Св. Троицы отдѣльно можно и должно говорить, что Оно есть Богъ, а обо всѣхъ трехъ вмѣстѣ нельзя говорить, что Они суть три Бога. Христіанское воззрѣніе на троичность и единичность немислимы для ума человѣческаго. Какъ согласить такую единичность съ троичностью? Какимъ образомъ три равныя единицы равны одной такой же единицѣ, какъ каждая изъ нихъ? Допустить, что три Бога суть одинъ Богъ, не значить ли допустить, что $1+1+1=1$? Возможно ли такое равенство?“ Подобныя разсужденія происходятъ отъ смѣшенія „личности“ съ „сущностью“, отъ незнанія или непониманія различія между „существомъ“ и „лицемъ“. Это отождествленіе существа съ суммою или числомъ, а лица съ единицею именно и приводитъ къ той ложной мысли, что будто христіанское ученіе о Св. Троицѣ противорѣчитъ основнымъ понятіямъ и законамъ ума человѣческаго. Что оно непостижимо для нашего ума, что оно превышаетъ его,—это такъ; но что оно противорѣчитъ ему—это ложь, недоразумѣніе, недомысліе. Напротивъ, это ученіе, правильно понятое, не только не противорѣчитъ нашему уму, но необходимо требуется имъ; даже предоставленный самому себѣ онъ рано или поздно необходимо долженъ прійти къ мысли о томъ, что въ Высочайшемъ Существовѣ не можетъ быть только одно лице, а дойдя до этой мысли, онъ очутился бы въ безвыходномъ положеніи, не находя ей подтвержденія въ „Откровеніи“, если бы оно умолчало о троичности лицъ въ Богѣ.

Въ числѣ возраженій противъ истины разсматриваемаго нами догмата указываютъ на то, что единственнымъ основаніемъ для него служить только „Откровеніе“, а между тѣмъ откровеніе не есть безспорный непререкаемый авторитетъ для всѣхъ. Какое значеніе, говорятъ, можетъ имѣть оно для тѣхъ людей, изъ которыхъ одни вовсе не признають его, а другіе, хотя и признають, но не допускають

возможности, чтобы оно дошло до насъ въ своемъ первоначальномъ видѣ безъ всякихъ искаженій, прибавленій и убавленій? Но это возраженіе очень слабо. Совершенно отвергать откровеніе, а также и сомнѣваться въ его неповрежденности, значитъ собственно не признавать его необходимости. Тутъ весь вопросъ именно въ его необходимости: необходимо или не необходимо для рода человѣческаго Божественное Откровеніе? Если оно необходимо, то оно должно было быть дано и дѣйствительно было дано; а если оно дѣйствительно было дано, то оно необходимо должно было сохраниться невредимо и дѣйствительно сохранилось, потому что дать откровеніе и не позаботиться о сохраненіи его въ цѣлости отъ всякихъ поврежденій и искаженій—все равно, что не дать его. Что же, необходимо ли откровеніе? Что для человѣка знать Бога необходимо—это несомнѣнно, но также несомнѣнно, что безъ Бога человѣкъ не можетъ знать Бога такъ и столько, какъ и насколько это нужно для человѣка. Стоитъ только сопоставить съ одной стороны ограниченность человѣческой познающей силы, а съ другой неограниченность, безконечность, безмѣрность, необъятность Божественнаго Существа, какъ тотчасъ же всякое сомнѣніе въ необходимости откровенія Божія о Себѣ исчезаетъ. Но кромѣ ограниченности человѣческой природы вообще есть еще и другая причина, дѣлающая откровеніе еще болѣе необходимымъ: это—испорченность и разстройство человѣческой природы вслѣдствіе грѣхопаденія.

Нужно ли доказывать ограниченность человѣческой познавательной силы?

Можетъ ли человѣкъ знать что либо вполнѣ? Можно ли изъ неисчислимаго множества различныхъ вещей, составляющихъ міръ, знать вполнѣ только одну изъ нихъ, не зная вполнѣ всѣхъ прочихъ, если всѣ онѣ находятся во взаимной связи между собою и зависимости другъ отъ друга, если это множество составляетъ единство? Можетъ ли родъ человѣческій дойти когда-нибудь до полнаго познанія всего міра, при тѣхъ неизмѣнныхъ условіяхъ, въ какихъ находится человѣкъ въ продолженіе своей земной жизни?

Что значитъ знать *вполнѣ*? Какое знаніе можно назвать *полнымъ*. Чѣмъ мы можемъ убѣдиться, что знаемъ какую-либо вещь *вполнѣ*?

Полнота знанія есть конецъ познавательнаго процесса, его завершеніе, а о концѣ процесса можно отчасти судить по его началу.

Съ чего же начинается наше познаніе міра?

Первоначальный источникъ всѣхъ нашихъ знаній есть чувственный опытъ въ обширнѣйшемъ смыслѣ этого слова: познаніе всякаго предмета начинается съ ощущенія.

Ощущеніе есть начало всякаго знанія.

Какъ относятся наши ощущенія къ вещамъ внѣшняго пространственно-временнаго (физическаго) міра?

Ощущенія происходятъ въ насъ при дѣйствіи внѣшнихъ предметовъ на наши внѣшніе органы (глаза, уши, носъ, ротъ, кожу и мускулы).

Эти органы называются органами чувствъ (ощущеній) и считаются органами познанія внѣшняго, физическаго міра.

Столько ли у насъ познавательныхъ физическихъ органовъ, сколько ихъ нужно для полнаго первоначальнаго основнаго познанія всего, что есть въ физическомъ мірѣ? Настолько ли они совершенны, насколько это нужно для означенной цѣли по специальности каждаго изъ нихъ?

Ни одинъ изъ нихъ не обладаетъ такою способностью, какая необходима для полноты первоначальнаго основнаго познанія всего относящаго къ его специальности.

Правда, что всѣ наши органы могутъ изощряться, развиваться и совершенствоваться. Допустимъ даже, что они совершенствуются не только съ возрастомъ человѣка, но и съ возрастомъ человѣчества; что наши потомки будутъ обладать болѣе совершенными органами ощущеній. У человѣка есть еще и другое средство для раздвиженія предѣловъ познавательной способности его органовъ чувствъ: онъ изобрѣтаетъ разнаго рода орудія и аппараты, каковы, наприм., микроскопы, телескопы, микрофоны, телефоны и т. п. Естественные органы свои онъ восполняетъ и усиливаетъ искусственными органами. Можетъ ли совершенствованіе естественныхъ органовъ, путемъ эволюціи, дойти, а совершенствованіе искусственныхъ органовъ, путемъ прогресса, быть доведено до тѣхъ предѣловъ, при которыхъ ничто существующее въ вещественномъ мірѣ не можетъ укрыться отъ нихъ? Но несомнѣнно, что большая или меньшая полнота чувственнаго познанія вещи зависитъ отъ большаго или мень-

шаго совершенства органовъ чувствъ: чѣмъ совершеннѣе органы, тѣмъ полнѣе первоначальное чувственное познаніе.

Какая можетъ быть разница между чувственнымъ нашимъ знаніемъ вещи и ея реальнымъ бытіемъ? Можетъ ли между ними не быть никакой разницы? Если бы какое-нибудь разумное существо своими органами чувствъ могло познать какую-нибудь вещь *вполнѣ*, то чѣмъ его полное чувственное знаніе этой вещи отличалось бы отъ самой вещи?

Если передъ обыкновеннымъ плоскимъ зеркаломъ находится какой-нибудь видимый предметъ, то вмѣсто одного мы видимъ два предмета: одинъ передъ зеркаломъ, а другой позади, или какъ бы въ самомъ зеркалѣ. Никто изъ людей, знакомыхъ съ назначеніемъ и употребленіемъ зеркала, не затруднится сказать, чѣмъ отличаются другъ отъ друга эти два повидимому совершенно одинакіе предмета. Но нѣкоторые животныя, въ первый разъ увидѣвшіе себя въ зеркалѣ, принимаютъ свое изображеніе за другое подобное себѣ животное; собака, увидя себя въ зеркалѣ, лаетъ на свое изображеніе; пѣтухъ бросается на свое изображеніе драться съ нимъ; даже человѣкъ, напр. какой-нибудь дикарь, увидѣвшій въ первый разъ свое изображеніе во весь ростъ въ большомъ зеркалѣ, особенно если оно занимаетъ всю стѣну, можетъ впасть въ подобную же ошибку, хотя бы онъ не разъ видалъ свое отраженіе въ водѣ. Для органа зрѣнія между дѣйствительнымъ предметомъ и его изображеніемъ въ зеркалѣ (кромѣ обратности боковыхъ сторонъ) нѣтъ никакой разницы, если только зеркало достаточно вѣрно; а для каждаго изъ прочихъ нашихъ органовъ чувствъ между ними нѣтъ никакого сходства, ни для одного изъ прочихъ органовъ это изображеніе не существуетъ, оно для нихъ ничто. Изображеніе предмета, находящееся въ зеркалѣ, производитъ въ насъ только зрительное ощущеніе, а самъ предметъ можетъ производить въ насъ и многія другія ощущенія. Слѣд. изображеніе предмета не равно предмету. Зеркальное изображеніе, или отраженіе предмета одинаково съ нимъ только по цвѣту. Правда, они одинаковы еще и по формѣ, но зрительное ощущеніе формы не есть самостоятельное ощущеніе, а зависитъ отъ ощущенія цвѣта; форма въ этомъ случаѣ обусловливается цвѣтомъ.

Если бы были на свѣтѣ существа, одаренныя только од-

нимъ зрѣніемъ и именно такимъ, какимъ мы обладаемъ, и такою же познавательною силою, какою и мы обладаемъ, то могли ли бы они отличить изображеніе вещи въ зеркалѣ отъ самой вещи? Они были бы вполне увѣрены, что передъ ними въ данномъ случаѣ двѣ совершенно тождественныя вещи, рѣшительно не отличающіяся другъ отъ друга. Мы не можемъ обманываться подобно имъ, потому что у насъ кромѣ зрѣнія, есть еще и другія чувства; мы знаемъ разницу между этими двумя вещами,—но всю ли разницу мы знаемъ? Знаемъ мы все, что есть въ вещи, и чего нѣтъ въ ея изображеніи, полученномъ посредствомъ зеркала? Если бы вещь, находящаяся передъ зеркаломъ, была бы только цвѣтъ и ничего болѣе, то въ такомъ случаѣ между вещью и ея изображеніемъ не было бы разницы. Но вещь, находящаяся передъ зеркаломъ есть тѣло, а всякое тѣло есть соединеніе многихъ разнородныхъ явленій, изъ которыхъ только одно, при извѣстныхъ условіяхъ, можетъ отражаться въ зеркалѣ.

Для отраженія цвѣта служитъ зеркало, а что служитъ для отраженія прочихъ явленій? Для каждаго ли явленія есть свой особый отражатель? Есть ли такіе отражатели для всѣхъ тѣхъ явленій, которыя, дѣйствуя на наши внѣшніе органы чувствъ, производятъ въ насъ ощущенія? Зеркало можно назвать воспроизводителемъ зримаго, воспроизводителемъ того, что подлежитъ зрѣнію, что познается глазами. А есть воспроизводители слышимаго, обоняемаго, вкушаемаго, осязаемаго,.... воспроизводители того, что подлежитъ всѣмъ прочимъ нашимъ чувствамъ, что познается всѣми прочими нашими органами: ушами, носомъ и т. д.? Предположите, что всѣ такіе воспроизводители существуютъ, что есть такіе снаряды, приборы, аппараты, которые воспроизводятъ слышимое, обоняемое, и проч. подобно тому какъ зеркало воспроизводитъ видимое ¹⁾. Но этого мало: предположите, что

¹⁾ Какъ „зеркало“ можно назвать воспроизводителемъ видимаго, такъ „эхо“ (снарядъ) можно назвать воспроизводителемъ слышимаго. Для воспроизведенія видимаго и слышимаго, кромѣ зеркала и эха, мы имѣемъ еще фотографическій и фонографическій аппараты. Такъ ли фонографія соотвѣтствуетъ фотографіи, какъ эхо соотвѣтствуетъ зеркалу? (Фотографія только тогда будетъ стоять на одной ступени съ фонографіею, когда будетъ найдено средство фиксировать отраженія предметовъ въ зеркалѣ).

существуетъ такой аппаратъ, который соединяетъ въ себѣ всѣ эти частные аппараты, и всѣ воспроизведенія разныхъ свойствъ одной вещи, получаемыя отъ разныхъ воспроизводителей, входящихъ въ составъ его, объединяетъ въ одно цѣлое; короче сказать, предположите, что существуетъ такой аппаратъ, который всякую вещь, находящуюся передъ нимъ, отражаетъ, или воспроизводитъ такъ, что это отраженіе, или воспроизведеніе вещи производитъ въ насъ всѣ точно такія же ощущенія, какія производитъ и сама вещь. Значитъ ли это, что между отраженіемъ вещи въ такомъ аппаратѣ и самою вещью нѣтъ никакой разницы? Значитъ ли это, что владѣя такимъ аппаратомъ, мы могли бы однимъ хлѣбомъ насытить нѣсколько тысячъ человѣкъ. Какъ для существъ, одаренныхъ однимъ только зрѣніемъ, отраженіе хлѣба въ зеркалѣ ничѣмъ не отличалось бы отъ настоящаго дѣйствительнаго хлѣба, такъ и для насъ отраженіе хлѣба въ этомъ аппаратѣ ничѣмъ не отличалось бы отъ настоящаго дѣйствительнаго хлѣба; но какъ для насъ отраженіе хлѣба въ зеркалѣ не есть истинный хлѣбъ, такъ и для существъ, одаренныхъ большимъ числомъ ¹⁾ и большимъ совершенствомъ органовъ чувствъ, отраженіе хлѣба въ этомъ аппаратѣ можетъ не быть истиннымъ хлѣбомъ.

Если бы нашъ тѣлесный организмъ имѣлъ все, что необходимо для полнаго чувственнаго воспріятія или познанія всего, что есть въ физическомъ мірѣ, то онъ былъ бы такимъ аппаратомъ, посредствомъ котораго мы могли бы воспроизводить все физическое такъ, что между оригиналомъ и копіею, т. е. между вещью и ея отраженіемъ не было бы никакой разницы. Но таковъ ли нашъ тѣлесный организмъ? Можно ли его въ какомъ-нибудь смыслѣ назвать воспроизводителемъ внѣшнихъ вещей при познаніи ихъ?

Когда вещь производитъ впечатлѣніе на наши органы чувствъ, тогда мы ощущаемъ эти впечатлѣнія. Ощущеніе всѣхъ впечатлѣній, производимыхъ вещью на наши органы

¹⁾ Могъ ли тогда предвидѣть діаволь, что наступитъ время, когда, къ его величайшему горю и посрамленію, чудо превращенія будетъ совершаться на землѣ ежеминутно и непрерывно будетъ напоминать ему придуманное имъ первое искушеніе? Что испытываетъ онъ, когда не камень въ хлѣбъ и не вода въ вино, а хлѣбъ и вино превращаются въ Тѣло и Кровь Христовы?

чувствъ, называется „воспріятіемъ“ этой вещи. Вещь черезъ посредство этихъ органовъ и нервно-мозговой системы какъ бы отражается въ нашей душѣ. Отраженіе вещи въ нашей душѣ есть другая вещь, созданная по образу и подобию первой, т. е. данной, или внѣшней вещи. вмѣсто одной передъ нами двѣ вещи. Изъ нихъ первая есть явленіе физическое, а вторая—явленіе психическое. Но мы не замѣчаемъ того, что ихъ двѣ; мы замѣчаемъ только одну, но не одну изъ двухъ, а двѣ какъ одну, потому что онѣ для насъ сливаются въ одну. Люди неученые не знаютъ, а ученые знаютъ, что тутъ двѣ вещи. Ученые думаютъ, что мы познаемъ психическую, а неученые думаютъ, что мы познаемъ физическую вещь; о физической ученые говорятъ, что она не можетъ быть познана нами, а о психической неученые ничего не говорятъ, потому что не знаютъ даже о ея существованіи. Между физической и психической вещами, по мнѣнію ученыхъ, нѣтъ и быть не можетъ никакого сходства; вторая не есть образъ и подобіе первой, а потому физическая вещь, „вещь въ себѣ“ (Ding an sich), никогда не можетъ быть познана нами; объ ней мы можемъ дѣлать только болѣе или менѣе вѣроятныя предположенія. Чѣмъ отличаются эти двѣ вещи? Можно ли сравнивать ихъ? Можно ли сравнивать неизвѣстное съ извѣстнымъ? Можно ли наблюдать ихъ отдѣльно одну отъ другой? Физическая вещь никогда не существуетъ для насъ безъ психической, а психическая можетъ существовать и безъ физической, послѣ того, какъ первая произведена въ насъ послѣднею. Отдѣльное существованіе психической вещи безъ физической есть то психическое явленіе, которое называется „представленіемъ“.

Что такое „представленіе“? Одни говорятъ, что оно есть воспоминаніе или мысль о прежде бывшемъ ощущеніи; а другіе,— что оно есть или продолженіе или возобновленіе ощущенія, при отсутствіи той вещи, которая произвела, и тѣхъ вещей, которыя могутъ произвести его.

Можно ли сказать, что представленіе есть образъ или отпечатокъ ощущенія, который при извѣстныхъ условіяхъ, то появляется въ нашемъ сознаніи, то исчезаетъ изъ него?

Можно ли сказать, что „представленіе“ есть образъ ощущенія, „ощущеніе“—образъ впечатлѣнія, а „впечатлѣніе“—образъ вещи?

Что мы ощущаемъ: самую вещь или впечатлѣніе? Все ли равно это?

Что мы представляемъ себѣ: самую вещь или впечатлѣніе или ощущение? Все ли равно это?

Какая разница между ощущеніемъ и представленіемъ *вещи* и какая между ощущеніемъ и представленіемъ *впечатлѣнія*?

Какъ относятся ощущенія къ впечатлѣніямъ, а представленія къ ощущеніямъ и впечатлѣніямъ?

Все ли равно: сказать, что представленіе есть воспроизведеніе ощущенія при отсутствіи впечатлѣнія, и сказать, что представленіе есть воспроизведеніе впечатлѣнія при отсутствіи вещи?

Многіе психологи находятъ постоянное различіе между представленіями и ощущеніями, но они забываютъ объ измѣняющемся различіи между самими представленіями одной и той же вещи при различныхъ условіяхъ и потому смѣшиваютъ представленія съ понятіями, мыслями и идеями. Можетъ ли представляемая вещь производить въ насъ ощущенія, не только точно такія, какія дѣйствительная, но хотя бы самыя слабыя? Психологи даютъ отрицательный отвѣтъ на этотъ вопросъ: отсутствіе ощущеній, по ихъ мнѣнію, есть специфическій признакъ представленій.

Если „представленіе“ вещи есть воспроизведеніе „воспріятія“ вещи, то сказать, что „представляемая“ вещь производитъ въ насъ такія же ощущенія, какія производитъ и „воспринимаемая“, не значитъ ли сказать, что воспроизведеніе ощущенія производитъ ощущение?

Представить себѣ какое-нибудь ощущеніе значитъ ли испытывать его, переживать его?

Всякое ли ощущеніе можно представить себѣ такъ, какъ оно было на самомъ дѣлѣ? Мы иногда употребляемъ довольно большія усилія, чтобы представить себѣ что-нибудь сколько возможно лучше. Какая цѣль этихъ усилій? Та ли, чтобы наше „представленіе“ производило въ насъ ощущенія, или та, чтобы наше „представленіе“ сколько возможно больше приблизилось къ „воспріятію“, сравнялось съ нимъ? Которой изъ этихъ двухъ цѣлей можно достигнуть?

Если „представленіе“ есть „мысль“, то вопросъ въ томъ, можетъ ли мысль о вещи производить въ насъ такія же ощущенія, какія—сама вещь, а если „представленіе“ есть

воспроизведение „воспріятія“, то вопросъ только въ томъ, можетъ ли воспроизведение воспріятія, при отсутствіи вещи, быть равно произведенію воспріятія, въ присутствіи вещи.

Можетъ ли представляемое воспріятіе вещи быть равно дѣйствительному воспріятію ея. Можетъ ли „представленіе“ быть равно „воспріятію“?

Это равенство мы находимъ въ томъ явленіи, которое называется „галлюцинаціею“.

Галлюцинація есть не что иное, какъ представленіе, равное воспріятію.

Какъ воспріятія такъ и представленія бываютъ различны по степени ихъ полноты и точности.

Представленія одного и того же предмета не только у разныхъ людей, но даже у одного и того же человѣка въ разные времена бываютъ различны по степени ихъ живости, ясности, силѣ и точности. Это зависитъ отъ многихъ условій, о которыхъ здѣсь нѣтъ надобности говорить.

Наиболѣе сильныя представленія, близкія къ воспріятію, чаще всѣхъ бываютъ у поэтовъ и вообще у художниковъ. „Мои воображаемые лица, говоритъ извѣстный французскій романистъ Флоберъ, поражаютъ меня, преслѣдуютъ меня, или вѣрнѣе сказать, я *живу* въ нихъ. Когда я описывалъ отравленіе Эммы Бавари, я имѣлъ во рту такой *ясный вкусъ мышьяка*, я самъ былъ такъ *отравленъ*, что выдержалъ одно за другимъ два несваренія желудка, несваренія весьма реальныхъ, такъ-какъ послѣ обѣда меня рвало“. Встрѣчаются живописцы, которые послѣ внимательнаго разсмотрѣнія картины, и ваятели, которые послѣ внимательнаго разсмотрѣнія статуи, копируютъ ихъ потомъ на память съ такою поразительною точностью, что даже знатоки съ большимъ трудомъ отличаютъ копии отъ оригиналовъ. Точно также нѣкоторые живописцы пишутъ портреты. Одинъ англійскій живописецъ, обладавшій такою способностью, такъ объяснялъ свой пріемъ: „когда являлся ко мнѣ оригиналъ, я внимательно разсматривалъ его въ теченіе получаса, изрѣда набрасывая его черты на полотно. Мнѣ не нужно было длиннаго сеанса; я снималъ полотно и переходилъ къ другому человѣку. Когда я хотѣлъ продолжать первый портретъ, я въ умѣ бралъ этого человѣка, сажалъ его на кресло, на которомъ и видѣлъ его такъ же ясно, какъ если бы

онъ сидѣлъ тутъ въ дѣйствительности и даже, могу прибавить, съ болѣе рѣзкими и живыми формами и красками. Отъ времени до времени я взглядывалъ на воображаемую фигуру и принимался рисовать; я останавливалъ свою работу, чтобы разсмотрѣть позу, совершенно такъ же, какъ если бы оригиналь былъ передо мною. Каждый разъ, когда я бросалъ взглядъ на кресло, я видѣлъ челоуѣка.... Мало по малу я началъ терять различіе между *воображаемою* фигурою и *дѣйствительною* и иногда я доказывалъ оригиналамъ, что они вчера уже были у меня. Наконецъ я въ этомъ совершенно увѣрился; потомъ все спуталось.... Я сошелъ съума и просидѣлъ 30 лѣтъ въ больницѣ“ ¹⁾. Встрѣчаются музыканты, которые, внимательно прослушавъ какое-либо музыкальное произведеніе, могутъ на-память положить его на ноты. Такъ, Моцартъ, дважды прослушавши Miserere Сикстинской капеллы, написалъ его ноты на память. Хорошіе музыканты въ то время, когда читаютъ или пишутъ ноты, *слышатъ тѣ звуки*, которые изображаютъ эти ноты. Могъ ли Бетховенъ написать тѣ великія произведенія свои, которыя онъ написалъ, будучи уже совершенно глухимъ, если бы онъ внутри себя не слышалъ этихъ дивныхъ сочетаній звуковъ, т. е. если бы его представленія ихъ не были равны нашимъ воспріятіямъ ихъ, при хорошемъ исполненіи этихъ его произведеній? Съ потерю слуха „представленія звуковъ“ не исчезаютъ. Эскироль говоритъ о двухъ совершенно глухихъ женщинахъ, находившихся въ Сальпетриерѣ, которымъ постоянно слышались голоса различныхъ лицъ, съ которыми они спорили день и ночь. Подобныхъ фактовъ можно привести множество. Значить не одни поэты и художники обладаютъ способностью къ живымъ представленіямъ. Представленіе отвратительнаго вкуса или запаха во многихъ субъектахъ возбуждаетъ рвоту, представленіе лакомаго кушанья возбуждаетъ слюнотеченіе, представленіе холода производитъ такъ называемую „гусиную кожу“. Все это ясно показываетъ, что „представленія“ могутъ производить не только въ нашей душѣ такія же психологическія, но и въ нашемъ тѣлѣ такія же фізіологическія явленія, какія производятъ „воспріятія“. Представленіе болѣзни мо-

¹⁾ Объ умѣ. Тѣна. Стр.

жетъ вызвать самую болѣзнь, настолько дѣйствительную и сильную, что она нерѣдко оканчивается смертью. Такие случаи чаще всего бываютъ во время свирѣпствованія эпидемическихъ болѣзней, напр. холеры. Обыкновенно говорятъ, что тутъ дѣйствуетъ страхъ, что во время эпидеміи многіе заболѣваютъ и умираютъ не отъ заразы, а отъ страха, или что заражаются преимущественно тѣ, которые боятся заразиться. Но возможенъ ли страхъ болѣзни безъ представленія болѣзни? Слѣдовательно главная причина заключается все-таки въ „представленіи“. Особенно же замѣчательны своею неотличимостью отъ „воспріятій“ „представленія“ людей, находящихся подъ вліяніемъ гипнотизма. Гипнотизирующий въ гипнотизируемомъ можетъ посредствомъ „внушенія“ (suggestion), или „навожденія“ производить какія угодно галлюцинаціи: первый можетъ заставить послѣдняго видѣть, слышать, обонять, вкушать, осязать, съ усиліемъ поднимать, или двигать предметы, которыхъ въ это время въ дѣйствительности нѣтъ около него, и, наоборотъ, не замѣчать, не чувствовать тѣхъ предметовъ, которые его окружаютъ и по вѣшнимъ условіямъ не могутъ не дѣйствовать на его вѣшніе органы чувствъ. Изъ двухъ загипнотизированныхъ одному внушено, что ему поставлена мушка, тогда какъ на самомъ дѣлѣ ему налѣпленъ былъ простой липкій пластырь, а другому внушено, что ему налѣпленъ простой липкій пластырь, тогда какъ на самомъ дѣлѣ ему поставлена была мушка; у перваго воображаемая мушка произвела нарывъ, а у втораго дѣйствительная мушка не произвела нарыва. Даже и безъ гипнотическаго внушенія можно вызывать у себя боль въ любой части своего тѣла посредствомъ усиленнаго представленія этой боли. Впрочемъ это явленіе можно назвать „самогипнотизированіемъ“. Самымъ разительнымъ примѣромъ тому стигматы. Въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія получила большую извѣстность одна бельгійская крестьянка, дѣвица Луиза Лато. По пятницамъ она представляла себѣ, что присутствуетъ на Голгоѣѣ во время распятія Господа нашего Иисуса Христа; тогда у нея на рукахъ и ногахъ — на тѣхъ мѣстахъ, которыя у Спасителя были пробиты гвоздями,— появлялась сначала боль, потомъ краснота, припухлость, жаръ, маленькій пузырекъ и наконецъ кровензліаніе; точно также и на боку—на томъ мѣстѣ, которое у Спасителя было

прободено копьемъ, у нея появлялась ранка ¹⁾. Цѣлая комиссия извѣстныхъ ученыхъ, свидѣтельствовавшая ее, признала подлинность этого факта и отсутствіе всякаго обмана. Но это не единственный случай. Подобныя стигматы появлялись и у конвульсіонеровъ, когда эти сектанты придавали своему тѣлу такое положеніе, какое имѣло тѣло Іисуса Христа на крестѣ и впадали въ каталептическое состояніе. Первымъ стигматикомъ считается св. Францискъ. Въ примѣръ вліянія души на тѣло Карпенгеръ приводитъ между прочими слѣдующій случай: „ребенокъ толкнулъ подпорку, поддерживавшую оконную раму, такъ что эта послѣдняя упала ему на руку. Присутствовавшая при этомъ мать упала въ обморокъ. На другой день у нея на той же рукѣ и на томъ же мѣстѣ, образовалась воспалительная раночка, вскорѣ изъязвившаяся, при чемъ заживленіе этой язвы затянулось гораздо дольше, чѣмъ у ребенка. У женщины, 48 лѣтъ, послѣ присутствованія при трудныхъ родахъ своей дочери появилось въ грудяхъ молоко. Подобныхъ примѣровъ такъ много, что затрудняешься въ выборѣ ихъ, но достаточно и приведенныхъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ главную роль играетъ „представленіе“. Посредствомъ „представленія“ челоуѣкъ можетъ здоровое состояніе своего тѣла приводить въ болѣзненное и, наоборотъ, болѣзненное — въ здоровье. Одинъ англійскій врачъ иногда съ успѣхомъ пользовался этой способностью челоуѣка, при лѣченіи своихъ паціентовъ: онъ старался вызвать въ нихъ представленіе здоровья тѣхъ частей тѣла, которыя подвергались болѣзни. Посредствомъ гипнотическаго внушенія излѣчиваются многія болѣзни, не поддающіяся обыкновенному лѣченію: больной долженъ представлять себѣ, что онъ совершенно здоровъ, что у него во-

¹⁾ Луиза Лато и подобныя ей лица имѣли очень плохое понятіе о страданіяхъ Іисуса Христа. Все вниманіе ихъ обращено было только на страданія Его тѣла и притомъ не всего тѣла, а только тѣхъ частей его, изъ которыхъ истекала кровь. По всему видно, что эта дѣвица представляла себѣ только тѣ боли, которыя происходили отъ ранъ, а въ томъ числѣ и боль отъ раны въ боку, т. е. ту боль, которой Іисусъ Христосъ не могъ испытывать, потому что эта рана нанесена была Ему уже послѣ Его смерти. Если бы въ одну изъ пятницъ Луиза Лато вмѣстѣ съ тѣлесными страданіями могла представить себѣ хотя матѣйшую долю душевныхъ страданій Спасителя отъ принятыхъ на себя грѣховъ всего міра, то она не дождала бы до слѣдующей пятницы.

все нѣтъ той болѣзни, которою онъ страдаетъ, но и простыми внушеніями подобнаго же рода, безъ гипноза, можно достигать той же цѣли. Человѣкъ можетъ управлять не только своею психическою, но отчасти и своею физическою жизнью, можетъ измѣнять и направлять фізіологическія функціи своего тѣлеснаго организма. Для этого требуется сосредоточеніе вниманія на одномъ представленіи, на одной идеѣ—моноидеизмъ. Многіе думаютъ, что для сосредоточенія вниманія необходима сильная воля и что поэтому въ нѣкоторыхъ изъ вышеуказанныхъ явленій главную роль играетъ „воля“, а не „представленіе“. Но воля не можетъ существовать безъ представленія. Нужно отличать волю отъ хотѣнія. Хотѣніе бываетъ иногда неопредѣленнымъ, безсознательнымъ, инстинктивнымъ, а воля никогда не бываетъ такою. Хотѣніе можетъ, а воля не можетъ существовать безъ представленія. Для сосредоточенія вниманія требуется или сильная воля—либо собственная, либо чужая—или же совершенное отсутствіе всякой воли. Воля не можетъ быть безъ представленія, а представленіе не можетъ быть и безъ воли. Напротивъ, сильная воля бываетъ нужна иногда не для усиленія, а для ослабленія представленій или для устраненія ихъ; изъ субъектовъ, подверженныхъ галлюцинаціямъ, иной и радъ бы избавиться отъ нихъ, да не можетъ совладать съ ними, прогнать ихъ; онѣ являются противъ воли. Представленія бываютъ вольныя и невольныя и противовольныя. Есть люди, которымъ достаточно очутиться въ темной комнатѣ, чтобы подвергнуться галлюцинаціямъ. Въ темнотѣ зрительныя представленія ихъ усиливаются, дѣлаются равными воспріятіямъ, т. е. становятся галлюцинаціями, потому что при отсутствіи свѣта окружающія ихъ зрительныя вещи не производятъ никакихъ впечатлѣній, но зрительная дѣятельность этихъ людей и тогда не прекращается, глаза ихъ не перестаютъ работать, не отдыхаютъ, не предаются покою, потому что видѣніе или созерцаніе зрительныхъ галлюцинацій ничѣмъ не отличается отъ видѣнія или созерцанія зрительныхъ вещей: въ обоихъ случаяхъ требуется одинакое напряженіе органовъ зрѣнія. Въ числѣ свойствъ нашихъ представленій есть два, которыя имѣютъ особенно важное значеніе. Изъ нихъ первое принадлежитъ всѣмъ вообще, а второе—только зрительнымъ представленіямъ, равнымъ вос-

пріятіямъ. Первое указываетъ на отношенія между представленіями и воспріятіями, а второе—на отношенія между представленіями и вещами. Первое состоитъ въ томъ, что если представленіе равно воспріятію, то при равной продолжительности ихъ обоихъ, каждое изъ нихъ утомляетъ нервномозговую систему въ равной степени: на сколько воспріятіе, настолько и представленіе; а второе состоитъ въ томъ, что зрительныя галлюцинаціи подлежатъ законамъ оптики точно такъ же, какъ и зрительныя вещи, т. е. эти галлюцинаціи отражаются въ зеркалѣ, преломляются въ призмѣ, увеличиваются если смотрѣть на нихъ въ лупу, приближаются или удаляются, если смотрѣть на нихъ въ бинокль.

Но никакое представленіе, никакая галлюцинація не можетъ замѣнить дѣйствительной вещи. Хлѣбъ, который представляетъ себѣ голодный, не напичаетъ его. Представляемый хлѣбъ можетъ ничѣмъ не отличаться отъ дѣйствительнаго только для органовъ познанія (зрѣнія, осязанія, обонанія, вкуса,...), а не для всего организма (напр. желудка), и притомъ для органовъ только того лица, которому принадлежитъ такое представленіе хлѣба, а не всѣхъ людей; для другихъ онъ вовсе не существуетъ. Объективная вещь производитъ субъективную, а субъективная не производитъ объективной; вещь производитъ представленіе, а представленіе не производитъ вещи. Субъективная не равна объективной. Представленіе бываетъ иногда равно воспріятію, но никогда не бываетъ равно вещи. Если же представленіе, равное воспріятію, не равно вещи, то значить и воспріятіе не равно вещи. Почему не равно? Что нужно для того, чтобы воспріятіе было равно вещи?

На первый вопросъ можетъ быть нѣсколько различныхъ отвѣтовъ, а на второй—только одинъ.

Чтобы воспріятіе было равно вещи, нужно, чтобы вещь была воспринята *вся* безъ остатка, чтобы воспріятіе, или чувственное познаніе вещи имѣло *абсолютную полноту*.

Если не все, что есть въ вещи, можетъ быть воспринято нами, если въ вещи есть хоть одно что-нибудь такое, чего мы не можемъ воспріять по неимѣнію соотвѣтственнаго органа, то наше воспріятіе, какъ неполное, не можетъ быть равно вещи.

Вещь даетъ намъ брать, воспринимать, понимать, позна-

вать себя всю, всѣ свои свойства, все, что есть у нея, но все ли у нея можно взять, воспріять, понять, познать? Есть ли у насъ все, чѣмъ можно познать все? Столько ли у насъ органовъ, сколько нужно, и такіе ли, какіе нужны, для полнаго и вѣрнаго воспріятія, или познанія всякой вещи?

Мы можемъ мыслить органъ такого чувства, которое въ дѣлѣ познанія, настолько важнѣе зрѣнія, насколько зрѣніе важнѣе осязанія; можемъ мыслить и мечтать объ усовершенствованіи имѣющихся у насъ органовъ, объ увеличеніи ихъ областей, объ уничтоженіи пороговъ и т. п. Для фантазіи тутъ открывается обширное поле, на которомъ для нея найдется много работы. Но мы не можемъ сказать для познанія чего намъ нужны другіе органы другихъ специальностей, для чего нужно увеличеніе числа ихъ.

Есть ли въ вещахъ такія свойства, которыя не могутъ быть восприняты ни однимъ изъ имѣющихся у насъ органовъ (потому что не входятъ въ кругъ специальности ни одного изъ нихъ), такія свойства, для воспріятія которыхъ требуются органы другихъ специальностей, такіе органы, какихъ у насъ не имѣется,—это очень вѣроятно и даже можно сказать: въ высшей степени вѣроятно, что такія неизвѣстныя свойства существуютъ, а положительно утверждать все-таки нельзя; но несомнѣнно то, что каждый изъ нашихъ органовъ встрѣчаетъ въ природѣ такія свойства, которыя хотя и принадлежатъ къ его специальности, но не могутъ быть восприняемы имъ по его ограниченности, по несоотвѣтствію силы „ощущенія“ силѣ „впечатлѣнія“, по неравенству величины „пріятія“ величинѣ „даянія“. При чувственномъ познаніи вещей насъ затрудняетъ не столько качество, сколько величина впечатлѣній. Величина имѣетъ чрезвычайно важное значеніе. Величина области ощущеній ничтожна въ сравненіи съ областью впечатлѣній. Изъ неизчислимаго множества впечатлѣній, одинакихъ по качеству, но различныхъ по величинѣ, не всякое можетъ быть ощущаемо нами. Крайнія изъ нихъ совершенно недоступны для насъ. И свѣтъ, и теплота, и звукъ.... могутъ имѣть такія величины, при которыхъ мы не въ состояніи ощущать ихъ: они бывають или очень слабы, или очень сильны для насъ; свѣтъ можетъ ослѣпить, звукъ оглушить, а теплота или сжечь или заморозить насъ; объемы тѣлъ—одни слиш-

комъ велики, другіе слишкомъ малы для ощущенія, а слѣд. и для представленія ихъ въ настоящей величинѣ. Всякую величину всякихъ впечатлѣній мы можемъ *мыслить*, но не всякую можемъ *ощущать* и *представлять*. Можемъ, напр., мыслить (съ достаточною точностью вычислить) разстояніе между землею и солнцемъ, между неподвижными звѣздами и т. п., но не можемъ представить себѣ разстоянія даже и въ одну версту; можемъ мыслить, но не можемъ представить себѣ атомовъ и разстояній между ними. Не можемъ представлять себѣ того, чего не можемъ ощущать, а между тѣмъ въ вещахъ есть много такого, чего мы не можемъ ощущать.

Но допустимъ, что и число и сила и степень совершенства имѣющихся у насъ органовъ чувствъ вполнѣ *достаточно* для *полнаго* воспріятія *нѣкоторыхъ* вещей.

Можетъ ли при такомъ условіи „представленіе вещи“, (послѣ полнаго воспріятія ея), быть равно ей?

Для этого равенства требуется еще одно условіе: все, что есть въ вещи, нужно представить себѣ *нераздѣльно* и *одновременно*.

Можемъ ли мы представить себѣ *такъ* какую-нибудь вещь, даже самую простѣйшую?

Мы можемъ воспріять всю вещь вполнѣ, безъ всякаго остатка,—воспріять все, что есть въ ней, все, что имѣетъ она, но какъ? То, что существуетъ въ вещи одновременно и нераздѣльно, мы воспринимаемъ разновременно и отдѣльно, т. е. порознѣ, одно за другимъ, хотя бы и черезъ самыя короткіе, неуловимыя промежутки времени, а если что и воспринимаемъ одновременно и нераздѣльно, то съ неодинаковою соотвѣтственною степенью точности.

Еще менѣе способны мы *представить* себѣ *все*, что есть въ вещи, одновременно и нераздѣльно. Отдѣльно мы можемъ представить все, что можетъ быть воспріято нашими органами чувствъ, все, что есть въ ней, а представить все вмѣстѣ, въ надлежащей совокупности, разомъ, въ одинъ пріемъ, вдругъ не можемъ.

А чрезъ это взаимныя отношенія между различными элементами и свойствами вещи въ нашемъ представленіи не могутъ быть таковы, каковы они въ вещи.

Поэтому и наше представленіе вещи не можетъ быть *полнымъ* и *точнымъ*, а слѣд. не можетъ быть *равнымъ* ей.

Какъ мы обыкновенно представляемъ себѣ вещи? Представляя себѣ какой-нибудь тѣлесный предметъ, напр. шкафъ, мы представляемъ себѣ только его цвѣтъ и форму—только поверхность, да и то не всю.

А что мы представляемъ себѣ, когда представляемъ себѣ какое-нибудь животное, напр. лошадь? Все ли, что есть у нея, входитъ въ наше представленіе?

Если дитя только одинъ разъ мелькомъ видѣло слона, то оно говоритъ, что *знаетъ* что такое слонъ. Но не одни дѣти думаютъ и говорятъ такъ. Въ повседневной жизни „знаніе“ и „представленіе“ часто принимаются одно за другое. Но ихъ нужно строго различать.

Знаніе и начинается и оканчивается „представленіемъ“. „Представленіе“ есть альфа и омега знанія.

А „воспріятіе“ есть только средство для произведенія „представленія“.

Представленіе всякой вещи можетъ быть двухъ родовъ: *начальное*, или *чувственное* и *конечное*, или *научное*.

Чувственное есть результатъ чувственнаго воспріятія, а научное есть результатъ научнаго мышленія.

Которое же изъ этихъ двухъ представленій одной и той же вещи можетъ быть равно ей, если каждое изъ нихъ имѣетъ требуемую полноту?

Ни одно изъ нихъ отдѣльно другъ отъ друга не можетъ быть равно, а только соединеніе ихъ обоихъ—чувственнаго и научнаго—въ одно нераздѣльное *философское представленіе* можетъ быть равно самой вещи.

Доступно ли для человѣка такое сочетаніе двухъ такихъ представленій?

Если намъ не по силамъ полное чувственное, то еще болѣе не по силамъ полное научное, а о полномъ философскомъ представленіи и думать нечего: оно недостижимо для человѣка.

Но всѣ вышеуказанныя причины, по которымъ наши представленія никогда не могутъ быть равны вещамъ,—ничто въ сравненіи съ тою, на которую указываютъ наука и философія. Указаніе на одну эту причину, если она дѣйствительно существуетъ, дѣлаетъ совершенно лишними и ненужными указанія на всѣ прочія. Какая же это причина? И наука и философія согласно утверждаютъ, что чувствен-

ныя наши представленія буквально не имѣютъ никакого сходства съ вещами, потому что наши чувства обманываютъ насъ; то, что мы называемъ вещами, вовсе не вещи внѣшняго міра, а наши ощущенія; или вещи, но не внѣшнія, а внутреннія, потому что онѣ находятся не внѣ, а внутри насъ, въ нашей душѣ. Изъ философовъ одни совершенно отрицаютъ существованіе внѣшняго міра, а другіе, хотя и признаютъ его существованіе, но признаютъ его не такимъ, какимъ онъ является нашимъ чувствамъ. Если они правы, то относительно познанія внѣшняго міра мы оказываемся чрезвычайно странными и жалкими существами. Внѣшній міръ для насъ непознаваемъ. Мы не знаемъ и не можемъ знать того, что есть въ немъ; но знаемъ и можемъ знать то, чего нѣтъ въ немъ. Мы лишены способности находить въ немъ то, что есть въ немъ; а одарены способностью находить въ немъ то, чего въ немъ нѣтъ. Мы находимъ въ немъ цвѣта, звуки, запахи,..... пространство, время,.... но ничего этого нѣтъ въ немъ, все это только наши ощущенія и мысли. Какъ не пожалѣть человѣка! Впрочемъ, есть философы, которые не говорятъ, что во внѣшнемъ мірѣ мы ничего не находимъ и не познаемъ изъ того, что есть въ немъ; они говорятъ, что мы находимъ въ немъ матерію и движеніе, которыя дѣйствительно существуютъ и могутъ быть познаваемы нами. Но кромѣ матеріи и движенія въ немъ уже ничего болѣе нѣтъ. Кто правѣе: тѣ, которые доказываютъ, что „міръ есть только матерія и движеніе“, или тѣ, которые доказываютъ, что „міръ есть только мое представленіе?“

Что такое движеніе? Какъ мы познаемъ его? Посредствомъ ощущенія. Слѣд. „движеніе есть только *ощущеніе*“.—Что такое матерія? Какъ мы познаемъ ее? Посредствомъ мышленія. Слѣд. матерія есть только наша *мысль*, отвлеченное понятіе.

Значитъ и матерія и движеніе находятся не внѣ, а внутри насъ, потому что ощущенія и мысли могутъ находиться только въ душѣ. Поэтому не душа въ тѣлѣ, а тѣло въ душѣ. То же нужно сказать и о пространствѣ. Не мы въ пространствѣ, а пространство въ насъ.

Кто отрицаетъ, что движеніе есть ощущеніе, тотъ не имѣетъ основанія утверждать, что свѣтъ, звукъ и проч.

суть ощущенія; если во внѣшнемъ мірѣ существуетъ движеніе, то существуетъ въ немъ и свѣтъ, и запахъ, и теплота, и звукъ, и... Гораздо послѣдовательнѣе тѣ, которые полагаютъ, что во внѣшнемъ мірѣ нѣтъ ничего познаваемаго, что въ немъ все безъ исключенія непознаваемо.

По общепринятому въ наукѣ мнѣнію, внѣшнія вещи относятся къ нашимъ ощущеніямъ, какъ причины къ слѣдствіямъ, а слѣдствія не могутъ быть сходны съ причинами. Такъ ли это—не будемъ разбирать.

Допустимъ, что чувства насъ обманываютъ.

Но кромѣ чувственного познанія есть еще умственное. Чувствамъ нельзя вѣрить, а можно ли вѣрить мыслямъ. Оказывается, что и мыслямъ нельзя вѣрить. Пространства нѣтъ, а есть цѣлая наука о пространствахъ—геометрія; движенія—нѣтъ, а есть цѣлая наука о движеніи — механика. Безъ пространства и времени не могутъ обойтись ни механика, ни физика (какъ часть механики), ни астрономія...

Ощущенія считаются символами или знаками вещей. Отношенія между ощущеніями соотвѣтствуютъ отношеніямъ между вещами. Поэтому знаніе отношеній между ощущеніями даетъ намъ знаніе отношеній между вещами. А знаніе отношеній между вещами совершенно достаточно для того, чтобы обладать и управлять природою, господствовать надъ нею, заставляя ее служить себѣ какъ покорную рабу, удовлетворять не только потребности, но и прихоти наши, умножать матеріальныя блага; короче: чтобы наслаждаться земною жизнію безъ болѣзней, печалей и воздыханій. Такова цѣль науки. Мы можемъ познавать отношенія между вещами внѣшняго міра и въ этомъ направленіи естественныя науки дѣлаютъ гигантскіе шаги, громадныя, изумительныя успѣхи. Познаніе природы быстро подвигается впередъ. Но знаніе *отношеній* между вещами не есть еще знаніе *вещей*. Въ познаніи вещей наука оказывается безсильною. Говорятъ, что знаніе вещей не можетъ быть объективнымъ, а слѣд. не можетъ быть и вѣрнымъ. Многіе философы и ученые пуще огня, пуще всего на свѣтѣ боятся субъективности въ познаніи. Имъ бы хотѣлось, чтобы наше знаніе было объективно, а между тѣмъ они находятъ, что оно все насквозь субъективно. Мало того, что субъектъ имѣетъ странную способность составлять объ объектѣ *превратное* знаніе, онъ имѣетъ

и другую, еще болѣе странную, способность составлять объ объектѣ *лишнее* знаніе, т. е. знаніе того, чего нѣтъ въ объектѣ, нѣтъ во всемъ внѣшнемъ мірѣ; къ *фантастическому* знанію (цвѣта, звуки, запахи,...) онъ *прибавляетъ* отъ себя, имъ самимъ выдуманное, *нигилистическое* знаніе (пространство, время,...). Такимъ образомъ въ нашемъ знаніи вещей есть во 1-хъ нѣчто переиначенное, передѣланное, превращенное, во 2-хъ есть нѣчто пропущенное, недостающее, и въ 3-хъ есть нѣчто прибавленное, лишнее. Если всѣ люди въ одинаковой степени обладаютъ этими двумя нежелательными способностями и не могутъ освободиться отъ нихъ, то есть ли для человѣка надежда познать дѣйствительный, внѣшній міръ? Можно ли чрезъ знаніе того, чего нѣтъ въ немъ, дойти до знанія того, что есть въ немъ? знать, каковы вещи сами въ себѣ, по себѣ и для себя? Можно ли познавать вещи иначе,—не такъ, какъ познаетъ ихъ человѣкъ? Есть ли въ мірѣ болѣе счастливыя существа, которыя и чувственно и умственно познаютъ міръ такимъ, какимъ онъ есть, безъ всякихъ фантастическихъ превращеній и нигилистическихъ прибавленій? А намъ остается одно утѣшеніе: предположить, что быть можетъ и наука и философія въ этомъ случаѣ жестоко ошибаются, что тутъ скрывается громадное недоразумѣніе. Онѣ впрочемъ и не считаютъ себя *непогрѣшимыми* папами въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей. Но ошибаются или не ошибаются онѣ,—это въ настоящемъ разѣ для насъ безразлично.

Допустимъ, что всякое человѣческое знаніе вещи и чувственное и умственное (обиходное, научное и философское)—ложно.

Если мы знаемъ, какимъ знаніе не должно быть, то, значить, знаемъ, какимъ оно должно быть.

Такое знаніе, какимъ оно не должно быть, есть ложное знаніе; а такое, какимъ оно должно быть, есть истинное.

Чѣмъ должно отличаться истинное знаніе отъ ложнаго?

Ложное знаніе вещи не имѣетъ, а истинное имѣетъ сходство съ нею, ибо въ противномъ случаѣ ложное не было бы ложно, а истинное не было бы истинно.

Другого болѣе существеннаго различія между ложнымъ и истиннымъ знаніемъ и быть не можетъ.

Знаніе вещи, не имѣющее никакого сходства съ нею, не есть знаніе.

Изъ двухъ истинныхъ знаній вещи, неполное имѣеть неполное, а полное имѣеть полное сходство съ нею.

А возможно ли для какого-нибудь существа полное знаніе—это другой вопросъ. Предположимъ, что возможно.

Чѣмъ этотъ предполагаемый субъектъ могъ бы убѣдиться въ томъ, что его знаніе какой-нибудь вещи есть *истинное* и *полное*?

Ничѣмъ другимъ, какъ только тѣмъ, что его знаніе *равно* вещи, что оно ничѣмъ не отличается отъ нея; что *знаніе* стало вещью.

Полное знаніе вещи можетъ сдѣлаться и не можетъ сдѣлаться вещью: это зависитъ отъ воли субъекта. Но изъ этого не слѣдуетъ, что воспроизведеніе вещи зависитъ сколько отъ ума, столько же и отъ воли. Поэтому да не подумаетъ кто-нибудь, что для воспроизведенія вещи недостаточно одного *всезнающаго ума*, а нужна еще и *всемогущая воля*. Нѣтъ, здѣсь все дѣло есть дѣло ума, а не воли. Умъ и безъ воли можетъ все, а воля безъ ума не можетъ ничего дѣлать. Вещью дѣлается знаніе, принадлежащее уму, а что, принадлежащее волѣ, можетъ сдѣлаться волѣ? Что принадлежитъ ей? Субъекту достаточно одного хотѣнія для того, чтобы сдѣлать или не сдѣлать свое полное знаніе вещью: захочетъ—сдѣлаетъ, не захочетъ—не сдѣлаетъ. Но хотѣніе можетъ быть или разумнымъ, добрымъ, или неразумнымъ, злымъ. А кто рѣшаетъ вопросъ: разумно или неразумно хотѣніе?—Опять таки умъ. А воля нужна субъекту только для того, чтобы исполнять разумныя, а не исполнять неразумныхъ хотѣній и желаній. Если субъектъ не исполняетъ неразумныхъ своихъ хотѣній, то значитъ онъ имѣеть волю, а если исполняетъ неразумныя свои хотѣнія, то значитъ не имѣеть воли. Въ данномъ случаѣ умъ рѣшаетъ вопросъ: быть или не быть вещи, т. е. сдѣлать или не сдѣлать свое знаніе вещью. Слѣд. въ этомъ случаѣ дѣло, вся суть, вся сила въ умѣ. „Знаніе есть сила (т. е. мощь, могущество)“, говоритъ пословица ученыхъ. Могущество принадлежитъ уму, а не волѣ. Человѣкъ потому и не всемогущъ, что не всевѣдущъ, не всезнающъ.

Субъектъ, познавшій какую-либо вещь, можетъ, если захочетъ, дать бытіе другой вещи, во всемъ сходной съ познаннымъ вещью.

Вещь, получившая отъ него свое бытіе, есть его *знаніе*, его *мысль*, или, вѣрнѣе сказать, его *одновременное* (тавтохроническое) „представленіе“ первой, или данной, или познанной вещи во *всей* ея *полнотѣ* и *цѣлости*.

Представленіе вещи, послѣ полнаго истиннаго познанія ея, можетъ быть *равно* ей только при томъ *непремѣнномъ* условіи, если субъектъ *можетъ представить* ее себѣ *всю нераздѣльно* и *одновременно*.

А возможно ли для какого-нибудь существа такое представленіе—это опять особый вопросъ.

Главный вопросъ не въ томъ—возможно или невозможно такое представленіе—а только въ томъ, что если оно возможно, то чѣмъ оно можетъ отличаться отъ вещи.

Вся суть въ слѣдующемъ вопросѣ:

Можетъ ли *одновременное, нераздѣльное* (философское) *истинное представленіе цѣлой* вещи ничѣмъ не отличаться отъ нея, быть *равно* ей, или *тождественно* съ нею, т. е. быть, или сдѣлаться *другою совершенно такую же вещью*, если захочетъ того представляющей субъектъ?

Разумѣется, не можетъ—скажутъ многіе и многіе: это химера. Почему не можетъ? Вотъ почему: *вещь* есть нѣчто (матеріальное) подлежащее нашимъ внѣшнимъ чувствамъ; а *знаніе* есть нѣчто (нематеріальное) не подлежащее внѣшнимъ чувствамъ. Знаніе находится въ субъектѣ и не можетъ находиться внѣ его, а вещь находится внѣ субъекта и не можетъ находиться въ немъ, т. е. въ его умѣ, въ его душѣ. Знаніе есть мысль, а вещь не есть мысль. Какимъ же образомъ знаніе или представленіе можетъ быть равно мысли? Равенство можетъ быть только между *однородными* предметами, а возможно ли равенство между такими столь *разнородными* предметами, какъ знаніе и вещь? Если знаніе вещи сходно съ нею, то его можно только называть вещью: знаніе можно называть *внутреннею* вещью, а саму вещь—*внѣшнею* вещью. Но чрезъ такое названіе эти два предмета не сдѣлаются ни равными, ни однородными. Они не могутъ быть замѣняемы одинъ другимъ. Какъ внѣшняя вещь не можетъ сдѣлаться внутренней, такъ и внутренняя не можетъ сдѣлаться внѣшнею. Внутренняя вещь, т. е. знаніе *есть мысль*. Какъ вещь не можетъ сдѣлаться мыслию, такъ и мысль не можетъ сдѣлаться вещью. Какое же равенство

возможно между такими двумя предметами, изъ которыхъ одинъ есть мысль, а другой не есть мысль—равенство между мыслию и немислю?

Вотъ главныя возраженія, которыя могутъ быть сдѣланы противъ утвердительнаго отвѣта на вышепредложенный главный существенный вопросъ.

Несомнѣнно, что равенство между разнородными предметами невозможно, но такъ ли несомнѣнно утвержденіе, что „знаніе“ и „вещь“ суть предметы разнородные? На чемъ основано это утвержденіе? Есть ли для него какое-нибудь основаніе? Если нѣтъ, а его дѣйствительно нѣтъ, то нѣтъ ничего невѣроятнаго и страннаго въ предположеніи, что „знаніе“ и „вещь“ суть предметы однородные. „Знаніе“ есть *мысль* и „вещь“ есть *мысль*. А двѣ мысли могутъ быть равны между собою.

Кто изъ людей думаетъ, что вещь не есть мысль, тотъ о мысляхъ всѣхъ родовъ существъ судить по мыслямъ только одного рода существъ: человѣка; тотъ полагаетъ, что сила мышленія у всѣхъ родовъ существъ въ мірѣ, у высшихъ и низшихъ, одинакова. Думать такъ о мысли значитъ унижать ее. „А всетаки“, скажетъ кто-нибудь, чрезвычайно трудно повѣрить, что вещь есть мысль. „Неужели, спросить онъ, камень есть мысль? Если я на него упаду, то могу разбить себѣ носъ или лобъ, а можно ли ушибиться объ мысль?“ На этотъ вопросъ можно отвѣтить вопросомъ же: а можно ли ушибиться объ свое ощущеніе? Вѣдь, по общепривычному мнѣнію, вещи недоступны для насъ, мы знаемъ не вещи, а наши ощущенія. Слѣд., въ томъ случаѣ, когда человѣкъ ушибъ себѣ ногу о камень, произошло столкновеніе двухъ его ощущеній: ноги и камня; два человѣческихъ ощущенія ударились другъ о друга и одно изъ нихъ, или оба они пострадали. Если можно ушибиться о свое ощущеніе, то почему нельзя ушибиться объ чужую мысль? Если можно ѣсть и пить свои ощущенія, то почему же нельзя ѣсть и пить чужія мысли?

Что познаваемая нами вещи суть только *наши ощущенія*—это очень сомнительно; а что познаваемая нами вещи суть *мысли*—это несомнѣнно.

Тѣ предметы, которые люди неученые считаютъ и называютъ вещами, не ощущенія, а мысли.

Мы познаемъ не ощущенія, а *мысли*, но мысли не наши, а *Божіи*.

Всякая вещь, все созданное Богомъ, весь міръ Божій есть мысль Божія.

Кто думаетъ, что никакая и ни чья мысль, даже Божія, не можетъ быть вещію, что вещь не есть мысль, что *вещи не мысли*, а дѣла Божіи, тотъ о всемогущей, всесовершенной мысли Божіей судить по своей слабой, несовершенной мысли человѣческой, полагаетъ, что мысль Божія отличается отъ мысли человѣческой только тѣмъ, что послѣдняя можетъ, а первая не можетъ ошибаться и заблуждаться, а что во всемъ прочемъ онѣ совершенно одинаковы. Думать такъ значитъ буквально понимать, что все твореніе — *дѣло рукъ* Божіихъ. У Бога мысль, слово и дѣло — одно и то же. Онъ все создалъ словомъ Своимъ: рече—и быша, повелѣ—и создашася. Онъ изрекаетъ вещи. Для Него рещи значитъ сдѣлать, сотворить, создать, дать бытіе. Все, имѣющее бытіе, получило свое бытіе чрезъ Его реченіе, а потому и все, имѣющее бытіе, все существующее, есть Его рѣчь, Его слово, Его вѣщь (вѣщаніе), Его мысль. Небеса повѣдаютъ славу Божію.

Слова: русское „вещь“, польское „rzecz“ и нѣмецкое „sache“ имѣютъ одинаковое значеніе. Сравните „sache“ съ „sagen“, „rzecz“ съ „рещи“ (рѣчь) и „вещь“ съ „вѣщать“. Сродство понятій „вещь“ и „рѣчь“ (слово) находится и въ нѣкоторыхъ другихъ языкахъ; эти понятія выражаются въ нихъ или однимъ и тѣмъ же словомъ или же словами, имѣющими одинъ и тотъ же корень ¹⁾.

Нельзя понимать буквально не только выраженій: *рука* Божія, *десница* Господня, *мышца* Господня, *очи* и *уши* Божіи, *уста* Божіи и т. п., но даже и выраженій: *слово* Божіе, *глаголь* Божій, *вѣщаніе* Божіе, *реченіе* (рече Богъ, сказа Господь) и т. п. Только выраженія: *мысль* Божія, *премудрость* Божія, *знаніе*, *вѣдѣніе*, *всевѣдѣніе* Божіе можно и должно понимать буквально.

Выраженіе: „слово“ (Божіе) равносильно выраженію „мысль“ (Божія).

¹⁾ Почему же пишутъ „вещь“, а не „вѣщь“? Потому же, почему пишутъ: „речь“, „наречь“, „реченіе“ и „рѣчь“, „нарѣчіе“.

Греческое *λογος* значить не только „слово“, но и „умъ“, а также и „понятіе“ и слѣд., „мысль“; въ нѣкоторыхъ же случаяхъ оно значить: „вѣдѣніе“, „знаніе“ и „представленіе“.

У человѣка мысль проявляется или въ „словѣ“ или въ „дѣлѣ“. Для проявленія, или обнаруженія своей мысли въ *словѣ* человѣку нужно движеніе *устъ* и *языка*, а для обнаруженія, или осуществленія своей мысли въ *дѣлѣ* ему нужно движеніе преимущественно *рукъ* и какой-нибудь *матеріаль*. А Богу для проявленія Своей мысли *ничего* не требуется, кромѣ Его воли. Все различіе между выраженіями: „мысль Божія“ и „слово Божіе“ можетъ заключаться только въ томъ, что первое означаетъ намѣреніе или хотѣніе Божіе, еще не приведенное Имъ въ исполненіе, а второе—намѣреніе или хотѣніе Божіе, уже приведенное Имъ въ исполненіе. При безразличномъ же употребленіи втораго выраженія нужно помнить, что *сущность* слова есть *мысль*. Слово есть мысль и мысль есть слово; слово есть мысль явленная, а мысль есть слово неявленное. Существо, имѣющее какую-нибудь вещь, можетъ дать и можетъ не дать ее другому существу. Если одно существо дало, а другое взяло ее всю, въ цѣлости, безъ всякаго измѣненія, то чѣмъ отличается вещь, какою она была прежде, отъ вещи, какою она стала послѣ даянія и пріятія ея? Или если изъ двухъ совершенно одинакихъ вещей, не могущихъ подвергнуться никакимъ измѣненіямъ, одна дана, а другая не дана, одна взята, а другая не взята, и т. п., то какая разница между двумя вещами: данною и неданною, взятою и невзятою, понятою и непонятою, явленною и неявленною, открытою и сокрытою,.....? Такая же разница и между *словомъ Божіимъ* и *мыслію Божіею*.

При процессѣ творенія мысль Отца становится словомъ въ Сынѣ и дѣломъ въ Духѣ. Поэтому все созданное Богомъ есть мысль Отца, слово Сына и дѣло Духа Святаго. Мысль—бытіе, слово—движеніе, дѣло—жизнь. Бытіе дается мыслію, движеніе—словомъ, жизнь—дѣломъ. Слово и дѣло суть два обнаруженія мысли. Движеніе и жизнь суть два проявленія бытія. Нѣтъ жизни безъ движенія и нѣтъ движенія безъ бытія.

Мысль, возникающая въ Отцѣ, полагаетъ *бытіе*; слово, изрекаемое Отцемъ черезъ Духа въ Сынѣ производитъ *дви-*

женіе, а дѣло, совершаемое Отцемъ черезъ Сына въ Духѣ даетъ *жизнь*.

Бытіе есть мысль Отца, движеніе есть слово Сына, а жизнь есть дѣло Духа Святаго.

О Немъ (Трїедномъ Богѣ) *живемъ, движемся и есмь* (Дѣян. XVII. 28).

Но мысль, слово и дѣло у Бога находятся не въ такихъ отношеніяхъ, въ какихъ у человѣка: у Бога они не имѣютъ такой разницы, какую имѣютъ у человѣка. У Бога дѣло не больше слова и слово не больше мысли; всѣ три равны между собою и неотличимы. Сіи три едино суть. Это трїединое творчество трїединой творческой силы; три нераздѣльныхъ, неслитныхъ акта единого творческаго процесса. Твореніе зачинается мыслию въ Отцѣ, продолжается словомъ въ Сынѣ и заканчивается дѣломъ въ Духѣ. Начало, продолженіе и конецъ Божественнаго творчества не таковы, каковы начало, продолженіе и конецъ человѣческой работы. Рече—и быша, повелѣ—и создашася. Мысль болѣе слова и дѣла только въ томъ отношеніи, что она есть начало ихъ; слово и дѣло суть только выраженія, обнаруженія, проявленія мысли. Мысль возможна и безъ слова и дѣла, а слово и дѣло безъ мысли невозможны. Мысль заключаетъ въ себѣ и слово и дѣло. Слово рождается, а дѣло исходитъ изъ мысли. Все отъ мысли, мысль есть все, и все есть мысль.

Знаніе есть мысль и вещь есть мысль. Если же знаніе—мысль и вещь—мысль, то знаніе вещи можетъ быть равно этой вещи, потому что двѣ мысли, какъ предметы однородные могутъ быть равны между собою. Если эти двѣ мысли не равны, то изъ нихъ вещь есть мысль большая, а знаніе—меньшая; вещь есть мысль полная, законченная, завершенная, а знаніе есть мысль неполная, незаконченная, незавершенная. Но знаніе, развиваясь, пополняясь и совершенствуясь, можетъ завершиться и сдѣлаться равнымъ вещи. Знаніе не можетъ быть только болѣе вещи, но можетъ быть или менѣе ея, или равно ей. Объемъ и содержаніе знанія увеличиваются, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивается и степень его точности и совершенства, а чѣмъ полнѣе, точнѣе и совершеннѣе становится знаніе, тѣмъ болѣе получаетъ оно сходства съ вещью. Знаніе вещи, не имѣющее полнаго сходства съ нею, не есть полное знаніе.

Неполное знаніе отъ полнаго отличается тѣмъ, что неполное ни при какихъ условіяхъ не можетъ, а полное при извѣстныхъ условіяхъ можетъ *подлежать внѣшнимъ чувствамъ встѣхъ людей и встѣхъ животныхъ*, т. е. можетъ сдѣлаться *внѣшнею вещью*.

Какъ внѣшняя, физическая вещь внутри субъекта дѣлается психическою, такъ и внутренняя, психическая вещь внѣ субъекта дѣлается физической. Внѣшняя вещь не перестаетъ быть внѣшнею, не исчезаетъ изъ внѣшняго міра черезъ то, что субъектъ дѣлаетъ ее внутреннею вещью; и внутренняя вещь не перестаетъ быть внутреннею, не исчезаетъ изъ внутренняго міра черезъ то, что субъектъ дѣлаетъ ее внѣшнею вещью. Внѣшняя и внутренняя вещи не двѣ разныя сущности, а два разныхъ состоянія одной и той же сущности. Внѣшняя вещь есть мысль явленная, а внутренняя вещь—мысль неявленная. Познанная вещь и овеществленное знаніе суть двѣ вещи, отличающіяся другъ отъ друга только тѣмъ, что занимаютъ не одно и то же мѣсто въ пространствѣ и получили свое бытіе не въ одно и то же время и не отъ одного и того же субъекта непосредственно.

Полное знаніе даетъ средство для увеличенія числа вещей въ мірѣ. Субъектъ, обладающій полнымъ знаніемъ вещи, можетъ воспроизводить ее въ какомъ угодно числѣ.

При увеличеніи числа вещей посредствомъ овеществленія знанія, вся разница между всѣми этими вещами можетъ быть только такая, какая обыкновенно бываетъ между однородными предметами одного вида, напр. между листьями, одновременно распустившимися на одномъ деревѣ, и только субъектъ, увеличившій такимъ образомъ число вещей, въ состояніи отличить между ними тѣ, которымъ онъ далъ бытіе, отъ тѣхъ, которымъ не онъ далъ бытіе.

Но при такого рода увеличеніи числа вещей, увеличивалось бы и количество вещества въ мірѣ, а между тѣмъ наука утверждаетъ, что количество матеріи въ мірѣ не измѣняется,—не можетъ ни увеличиваться, ни уменьшаться.

Есть однакоже достовѣрные факты, которые несомнѣнно доказываютъ увеличеніе количества матеріи. Таковы, напр., факты умноженія хлѣбовъ и рыбы Іисусомъ Христомъ. Чѣмъ инымъ можно объяснить насыщеніе нѣсколькихъ тысячъ людей нѣсколькими небольшими хлѣбами и рыбами? Пред-

положить, что насыщеніе произведено посредствомъ увеличенія питательности, а не количества хлѣба, можно было бы (допуская, что питательность не зависитъ отъ количества) только въ такомъ случаѣ, если бы послѣ ужина не осталось ни одной крошки хлѣба. А если пищи послѣ ѣды стало больше, чѣмъ было ея до ѣды, то значить, количество ея было увеличено; если не только вычитаемое, но и остатокъ былъ больше даннаго уменьшаемаго, то такое вычитаніе возможно только при увеличеніи даннаго уменьшаемаго. Напитать голоднаго Иисусъ Христосъ могъ бы и безъ всякой пищи, но цѣль питанія и въ этомъ случаѣ, при пустомъ желудкѣ, была бы достигнута чрезъ увеличеніе же вещества, необходимаго организму для возстановленія его силъ.

Поразительно двукратное чудесное насыщеніе народа Иисусомъ Христомъ—въ 1-ый разъ 5, а во 2-ой разъ 4 тысячъ человекъ, но еще поразительнѣе чудесное угощеніе обѣдомъ 7 человекъ (Іоан. XXI, 9, 10, 12). Въ 1-ый разъ имѣлось 5 хлѣбовъ и 2 рыбы, во 2-ой — 7 хлѣбовъ и нѣсколько рыбъ, а въ 3-ій—0 хлѣбовъ и 0 рыбъ. Иисусъ Христосъ не принесъ съ Собою на берегъ Тиверіадскаго моря ни одного хлѣба и ни одной рыбы, и у учениковъ Его не было ничего свѣднаго; не было тутъ ни дровъ, ни огня. И все это явилось. Откуда и какъ? Не вороны приносили Ему хлѣбъ и рыбу для насыщенія народа, какъ приносили они хлѣбъ и мясо пророку Іліи, не люди и не ангелы принесли Ему все потребное для приготовленія обѣда ученикамъ на берегу моря. Все это были Его мысли, Его „представленія“, сдѣлавшіяся „вещами“. У вдовы въ Сарептѣ Сидонской горсть муки и немного масла не истощались въ продолженіе трехъ лѣтъ, но появлявшіеся мука и масло, вмѣсто издерживаемыхъ, не были „представленіями“ пророка. „Мука въ кадкѣ не истощалась и масло въ кувшинѣ не убывало по слову Господа, которое Онъ изрекъ чрезъ Ілію“.

„Представленія“ же Иисуса Христа, по Его волѣ, когда это было нужно, дѣлались „вещами“. Но въ Немъ, въ одномъ Его Лицѣ, нераздѣльно и неслитно соединены два естества: Божеское и человѣческое. Поэтому можетъ возникнуть вопросъ: какія представленія въ Немъ дѣлались вещами—Божескія или человѣческія? Умноженіе вещей дѣйствіемъ

одного ума невозможно безъ полнаго представленія ихъ, а полное представленіе вещи невозможно безъ полнаго знанія этой вещи. Если Иисусъ Христосъ умножалъ вещи какъ Богъ, то Онъ могъ умножать ихъ не чрезъ воспроизведеніе или копированіе существующихъ вещей, а чрезъ твореніе. Какъ Богу, Ему не нужно было познавать вещи: ни одна вещь въ мірѣ не могла быть для Него объектомъ изученія, не могла служить для Него оригиналомъ при умноженіи вещей. Всѣ вещи въ мірѣ суть мысли, данныя Ему Отцемъ и приведенныя Имъ въ исполненіе: „вся Тѣмъ быша, и безъ Него ничтоже бысть, еже бысть“. Если же Иисусъ Христосъ умножалъ вещи какъ человѣкъ, то Онъ могъ умножать ихъ только чрезъ воспроизведеніе или копированіе существующихъ вещей, а не чрезъ твореніе. Какъ человѣку, Ему необходимо было познавать вещи, чтобы чрезъ полное познаніе ихъ имѣть возможность воспроизводить ихъ. Обладаль ли Онъ, какъ человѣкъ, такимъ знаніемъ? „И дивились іудеи, гооворя: какъ Онъ знаетъ Писанія, не учившись?“ (I. VII, 15). Еще въ 12-лѣтнемъ возрастѣ Онъ удивлялъ своими вопросами и отвѣтами учителей, посѣдѣвшихъ въ изученіи Писаній. „Всѣ, слушавшіе Его, дивились разуму и отвѣтамъ Его“ (Л. II. 47). Что же изъ этого слѣдуетъ? Слѣдуетъ ли, что Онъ ничему не учился? Никакъ. Слѣдуетъ только, что Онъ не учился ни въ какой школѣ и ни у какого учителя, но не слѣдуетъ, что Онъ не изучалъ Писанія. Не могъ ли Сынъ человѣческой подобнымъ же образомъ, т. е. безъ учителя, изучить и великую книгу природы, написанную Сыномъ Божиимъ, если эти два Сына составляютъ одно лицо? Только что созданный человѣкъ имѣлъ уже такое знаніе природы, что могъ дать имена всѣмъ животнымъ, когда Богъ привелъ ихъ къ нему. (Быт. II, 19, 20) ¹⁾. До грѣхопаденія умъ че-

¹⁾ Надо полагать, что это нареченіе именъ состояло не въ составленіи словъ посредствомъ произвольнаго соединенія звуковъ, а въ выборѣ изъ готоваго уже языка для названія каждаго животнаго такого слова, которое выражало отличительное свойство этого животнаго, его характеръ или назначеніе. Человѣкъ не изобрѣталъ языка, а получилъ его готовымъ вмѣстѣ съ жизнію. Тому, что создано было въ первые три дня, Богъ Самъ далъ имена, а тому, что создано было въ послѣдніе три дня, долженъ былъ дать имена человѣкъ. Знаніе того, что создано въ первые три дня, было дано человѣку (преподано ему Богомъ), а знаніе того, что

ловѣческой былъ совершеннѣе, а послѣ грѣхопаденія онъ омрачился и омрачается по мѣрѣ умноженія беззаконій. Если первый Адамъ могъ обладать уже большимъ знаніемъ, то могъ ли не обладать еще большимъ знаніемъ второй Адамъ? Все изучалъ или ничего не изучалъ Иисусъ Христосъ, но несомнѣнно, что Онъ, какъ человѣкъ, владѣлъ такимъ знаніемъ, какимъ никогда не владѣлъ и никогда не будетъ владѣть никто изъ людей. Какъ человѣкъ, Онъ обладалъ полнымъ *человѣческимъ* знаніемъ, т. е. зналъ *все* и *такъ*, что и какъ предопредѣлено было знать человѣку на землѣ, при его сотвореніи, если бы онъ не согрѣшилъ.

Кто же умножалъ вещи: Сынъ Божій или Сынъ человѣческой? или Богъ и человѣкъ вмѣстѣ? Діаволь, искушая Иисуса Христа въ пустынѣ, сказалъ Ему: „если Ты Сынъ Божій, то вели камню этому сдѣлаться хлѣбомъ“, а не сказалъ: если Ты Сынъ Божій, то скажи: да будетъ хлѣбъ и будетъ хлѣбъ.

Не сказалъ діаволь и того, что такому человѣку, какъ Иисусъ Христосъ, стоить только подумать о хлѣбѣ, вообразить, представить Себѣ хлѣбъ и Его представленіе хлѣба, по Его волѣ, сдѣлается хлѣбомъ.

Зналъ ли тогда діаволь, какой Человѣкъ постится въ пустынѣ и къ чему готовится Онъ? Послѣ, когда этотъ Человѣкъ сталъ изгонять бѣсовъ изъ людей, всѣ бѣсы узнали въ Немъ Сына Божія, а до того времени и самъ князь тьмы еще не зналъ что Свѣтъ уже пришелъ въ міръ, не зналъ потому, что свѣтъ еще не началъ свѣтити во тьмѣ. Хотя діаволь и называетъ Его Сыномъ Божиимъ, но называетъ не въ собственномъ смыслѣ, а только за Его непорочную, чистую и святую жизнь,—за Его близость къ Богу—называетъ подобно тому, какъ потомки Сіеа назывались сынами Божиими.

Но зналъ или не зналъ, вѣрилъ или не вѣрилъ діаволь,—

создано въ послѣдніе три дня, человѣкъ долженъ былъ приобрѣсти самъ. Нареченіе именъ было какъ бы испытаніемъ человѣка въ знаніи природы, экзаменомъ по естествовѣдѣнію. Животныя для того и приводятся къ человѣку, чтобы онъ чрезъ нареченіе имъ именъ показалъ свое знаніе. Недавно созданный человѣкъ уже настолько зналъ природу, что при первомъ взглядѣ на только что созданную женщину, когда Богъ привелъ ее къ нему, узналъ, что „это кость отъ костей его и плоть отъ плоти его“

что передъ нимъ Богочеловѣкъ, во всякомъ случаѣ онъ искушалъ не Бога, а человѣка.

Предположить, что дѣволъ рѣшился искушать Самого Бога и надѣялся соблазнить Его, потому что видѣлъ передъ собою Бога, умалившаго Себе и зракъ раба пріимшаго,— едва ли можно, хотя злоба и можетъ доводить до безумія и глупости.

Не Богу, а человѣку предлагаетъ дѣволъ превратить камень въ хлѣбъ: Богу хлѣбъ не нуженъ.

Что труднѣе:

1) Воспроизвести присутствующую вещь, т. е. воспріятіе этой вещи сдѣлать вещь, чтобы тамъ, гдѣ была, напр., одна такая вещь, стало двѣ такихъ вещи; или 2) воспроизвести отсутствующую вещь, т. е. представленіе этой вещи сдѣлать вещь, чтобы тамъ, гдѣ не было ни одной такой вещи, явилась одна такая вещь?

Превратить какую-нибудь вещь въ другую или 3) такую, которая когда-нибудь гдѣ-нибудь существовала; или 4) такую, которая никогда нигдѣ не существовала?

5) Уничтожить какую-нибудь вещь (нѣчто раздѣлять въ ничто) или 6) создать какую-нибудь вещь (изъ ничего сдѣлать нѣчто такое, чего прежде никогда нигдѣ не было)?

Если дѣволъ искушалъ Бога, то онъ забылъ, что для Бога нѣтъ разницы между легкимъ и труднымъ.

Дѣволъ воспользовался тѣмъ, что Іисусъ Христосъ, какъ человѣкъ, послѣ поста, продолжавшагося 40 дней и 40 ночей, наконецъ взалкалъ. Изъ шести вышеуказанныхъ дѣлъ искуситель могъ предложить взалкавшему для утоленія голода только два: или второе или третье; онъ выбралъ третье, какъ болѣе трудное.

Предложеніе искусителя отвергнуто. А первое чудо, совершенное Іисусомъ Христомъ было именно превращеніе, только не камня въ хлѣбъ, а воды въ вино.

Если Іисусъ Христосъ умножалъ хлѣбъ и рыбу не какъ Богъ, а какъ Человѣкъ, то не потому ли Онъ могъ дѣлать это, что Онъ — Богочеловѣкъ? А можетъ ли дѣлать то же самое какое-нибудь сотворенное существо, естество котораго не соединено нераздѣльно и неслитно съ Божескимъ естествомъ въ одно лицо? „Вѣрующій въ меня, говоритъ Іисусъ Христосъ, дѣла, которыя творю Я, и онъ сотворитъ и больше

сихъ сотворить“ (Іоан. XIV, 2). Но эти дѣла зависятъ отъ вѣры, а не отъ знанія. Вѣрующему все возможно (Мр. IX, 23), а все ли возможно знающему? Имѣющій полное знаніе можетъ ли дѣлать то же, что можетъ имѣющій полную вѣру? И первый и второй могутъ воспроизводить вещи. Но вещь, которой даетъ бытіе знающій, есть его знаніе; а вещь, которой даетъ бытіе вѣрующій, не есть его вѣра. Вещь есть мысль, а не вѣра; и знаніе есть мысль, а вѣра не есть мысль. Вещь, которой даетъ бытіе вѣрующій, есть также мысль, но мысль не его, а Того, въ Кого онъ вѣруетъ.

Если вѣрующій не могъ, напр., умножить числа хлѣбовъ, то это не значить, что для умноженія хлѣбовъ недостаточно одной вѣры, что нужно еще что-нибудь кромѣ вѣры, но значить только то, что вѣра этого вѣрующаго недостаточна, что она не имѣетъ надлежащей полноты; если знающій не могъ умножить числа хлѣбовъ, то это не значить, что для умноженія хлѣбовъ недостаточно одного знанія, что нужно еще что-нибудь кромѣ знанія, но значить только то, что знаніе этого знающаго недостаточно, что оно не имѣетъ надлежащей полноты.

Что доступнѣе для человѣка: вѣра или знаніе? Что выше изъ нихъ? Вѣра можетъ создавать вещи, а знаніе не можетъ; знаніе можетъ только воспроизводить ихъ. Создать вещь значить дать бытіе такой вещи, какихъ дотолѣ нигдѣ не было; а воспроизвести вещь значить дать бытіе такой вещи, какія уже есть и были.

Если знаніе какой-нибудь вещи сдѣлалось другою такою же вещію, то эти двѣ вещи отличаются другъ отъ друга только тѣмъ, что изъ нихъ первая *создана*, а вторая *воспроизведена*, первая—оригиналь, а вторая — копія, первая есть мысль Существа никѣмъ не созданнаго, а вторая есть мысль существа, созданнаго Тѣмъ же Существомъ, Которое создало и первую вещь.

Но этой разницы между этими двумя вещами кромѣ Существа, давшаго бытіе первой вещи, и существа, давшаго бытіе второй вещи, никакое изъ прочихъ существъ, если не присутствовало при появленіи второй вещи, не можетъ замѣтить.

Создаются вещи изъ ничего, а воспроизводятся изъ ощущеній созданныхъ вещей. Мысли въ сотворенныхъ разум-

ныхъ существахъ являются не сами собою, а возбуждаются въ нихъ мыслями сотворившаго ихъ Существа, т. е. вещами, которыя Онъ сотворилъ. Поэтому, если бы даже всѣ вещи, созданныя Высочайшимъ Существомъ, были воспроизведены какимъ-либо изъ созданныхъ Имъ существъ, то это не значило бы, что воспроизводитель сталъ равенъ Создателю, тварь стала равна Творцу.

Но есть ли такія сотворенныя существа, у которыхъ хотя одна мысль могла бы сдѣлаться равною мысли сотворившаго ихъ Существа?

Если такихъ существъ нѣтъ, то слѣдуетъ ли изъ этого, что полное знаніе, или полное представленіе вещи не равно самой вещи?

Слѣдуетъ только, что полное знаніе недоступно не только для жителей земли и жителей всѣхъ планетъ всѣхъ солнечныхъ системъ, но недоступно и ни для одного изъ 9 чиновъ ангельскихъ, ни для Херувимовъ, ни для Серафимовъ.

Степень полноты знанія зависитъ отъ степени совершенства познающаго существа. Чѣмъ совершеннѣе существо, тѣмъ полнѣе его знаніе, но и самое совершеннѣйшее изъ сотворенныхъ существъ не можетъ дойти до полного знанія.

Полное знаніе можно уподобить кругу, а неполныя знанія—правильнымъ многоугольникамъ, вписаннымъ въ кругъ, начиная съ треугольника: чѣмъ больше многоугольникъ имѣетъ сторонъ, тѣмъ болѣе онъ по величинѣ своей приближается къ кругу, но никакой многоугольникъ, имѣющій конечное число сторонъ, какъ бы оно велико ни было, не можетъ быть равенъ кругу, въ которомъ вписанъ.

Полнота знанія зависитъ не отъ относительнаго (въ своемъ родѣ), а отъ абсолютнаго совершенства.

Если ни одно изъ сотворенныхъ существъ не имѣетъ полного абсолютнаго совершенства, то ни одно изъ нихъ не можетъ имѣть и полного абсолютнаго знанія. Полное абсолютное знаніе можетъ имѣть только такое существо, которое имѣетъ полное абсолютное совершенство. А такое существо есть только одинъ Богъ. Только Ему одному принадлежитъ безусловно полное знаніе, только Онъ одинъ можетъ знать все вполнѣ ¹⁾).

¹⁾ Желать полного знанія не значить ли желать равенства съ Богомъ? Чѣмъ диаволь соблазнилъ Еву? Возбужденіемъ въ ней желанія срав-

Но что же познавать Богу? Что можетъ быть объектомъ Его знанія. Какіе предметы?

Для всѣхъ разумныхъ существъ, сотворенныхъ Имъ, находится неисчислимое множество предметовъ познанія,—весь необъятный міръ, все твореніе Божіе и даже Самъ Творецъ его, а для Бога есть только *одинъ* предметъ познанія.

Міръ не можетъ быть объектомъ познанія Бога, потому что міръ есть Его созданіе, и, слѣд., былъ *извѣстенъ* Ему прежде созданія его, а объектомъ познанія можетъ быть только что-нибудь *неизвѣстное*.

Единственный предметъ, который могъ быть неизвѣстнымъ Богу и потому могъ быть для Него объектомъ познанія, это—*Онъ Самъ*.

Для Бога, по неимѣнію другихъ неизвѣстныхъ Ему предметовъ, кромѣ Его Самого—возможно было вначалѣ только одно познаніе: познаніе *Самого Себя, Самопознаніе*.

Міръ Онъ могъ знать и *безъ* познанія его, потому что Онъ *создалъ* его, а Себя Онъ не могъ знать *безъ* познанія Себя, потому что Онъ *не создалъ* Себя.

Можно ли сказать, что Богъ создалъ Себя?

Изъ всѣхъ живущихъ нынѣ организмовъ—растеній и животныхъ—каждый произошелъ отъ другого организма. Никому изъ людей, не смотря на самыя тщательныя поиски, до сихъ поръ не удалось найти ни одного такого организма, который бы не происходилъ ни отъ какого другого организма, посредствомъ свойственнаго ему способа размноженія. У каждаго изъ существующихъ нынѣ организмовъ было не малое число предковъ. Число реальныхъ предметовъ есть число реальное; предокъ есть предметъ реальный, слѣд. и число предковъ есть число реальное; а такъ какъ никакое реальное число не можетъ быть безпредѣльно, то и число предковъ не можетъ быть безпредѣльно; если же оно предѣльно, то необходимо долженъ быть и первый организмъ,

няться съ Богомъ, чтобы обладать полнымъ знаніемъ, знать добро и зло. „И увидѣла жена, что дерево хорошо для пищи, и что оно пріятно для глазъ и *вожделѣнно*“, потому что даетъ *знаніе*. Быть можетъ, что желаніе знать больше, чѣмъ нужно, было также одною изъ причинъ паденія и самого діавола. Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что діаволъ обольстилъ человѣка тѣмъ же, чѣмъ прежде самъ обольстился.

а первый организмъ отъ всѣхъ не первыхъ необходимо долженъ отличаться тѣмъ, что онъ не произошелъ ни отъ какого другого организма, подобно происшедшимъ отъ него, ибо иначе онъ не былъ бы первымъ. Откуда же взялся онъ? Если скажемъ, что первые организмы (простѣйшіе) образовались изъ клѣточекъ, а клѣточки изъ протоплазмы, то вопросъ о первомъ организмѣ замѣнится лишь вопросомъ о первой протоплазмѣ: откуда взялась она? Но протоплазма есть начало образованія организма, его зарожденіе, за которымъ слѣдуютъ дальнѣйшія степени его развитія, возрасты его жизни. Поэтому въ вопросѣ о первомъ организмѣ содержится вопросъ и о первой клѣточкѣ и о первой протоплазмѣ. Если всѣ нынѣ живущіе организмы—и растенія, и животныя, и люди—имѣли одного общаго предка, то откуда взялся онъ? Какъ произошелъ онъ? Кто далъ бытіе и жизнь этому первому организму? Одни отвѣчаютъ: „Богъ“, другіе:—„случай“, третьи:—„самъ организмъ“. Эти три отвѣта выражаютъ собою три способа даянія бытія, изъ которыхъ первый называется „твореніемъ“, второй можно назвать „самотвореніемъ“, а третій называется „произвольнымъ, самопроизвольнымъ зарожденіемъ“ (*generatio spontanea*), а короче и вѣрнѣе его слѣдуетъ называть „саморожденіемъ“. Отличіе перваго отъ втораго заключается между прочимъ въ томъ, что первый можно назвать „намѣреннымъ и сознательнымъ“, а второй—„ненамѣреннымъ, безсознательнымъ“ твореніемъ; отличіе же втораго отъ третьяго заключается болѣе всего въ томъ, что вторымъ объясняется преимущественно происхожденіе міра неорганическаго, а третьимъ—происхожденіе міра органическаго. Признающіе намѣренное твореніе приписываютъ его единой разумной всемогущей Силѣ, единому Богу (это монотеисты); а признающіе ненамѣренное твореніе приписываютъ его многимъ неразумнымъ силамъ, многимъ богамъ (это атеисты и политеисты). О признающихъ же „саморожденіе“ трудно сказать кому они приписываютъ его. Судя по тому, что „зарожденіе“ они называютъ „произвольнымъ“ и слѣд. говорятъ не о „невольномъ“, а о „вольномъ“ зарожденіи, можно подумать, что они приписываютъ его „волѣ“, но предположеніе это не оправдывается: ученіе о „произвольномъ зарожденіи“ существуетъ независимо отъ ученія о „волѣ“, какъ причинѣ бытія и жизни. По

отношенію къ „волѣ“ третій и второй способы болѣе или менѣе сходны между собою, но рѣзко отличаются отъ перваго. Первый проще и понятнѣе ихъ. Что же заставляетъ нѣкоторыхъ людей вѣрить въ возможность третьяго, а слѣд. и второго способа? „Если устранить“, говорятъ они, „произвольное зарожденіе, то остается прибѣгнуть къ чуду для объясненія возникновенія жизни на землѣ“. Они не допускаютъ чудесъ, чудеса по ихъ мнѣнію невозможны. Такъ. Допустимъ и мы, что чудеса невозможны, и спросимъ у нихъ: а что такое самопроизвольное зарожденіе? Развѣ это не чудо? Развѣ это не чудо изъ чудесъ?—„Нѣтъ“, возражаютъ они, „самопроизвольное зарожденіе не есть чудо, потому что чудесами принято называть только тѣ противорѣчащія законамъ природы, вымышленныя, фантастическія дѣйствія, совершеніе которыхъ приписываются вымышленному, фантастическому, мифическому существу, называемому Богомъ, а самопроизвольное зарожденіе есть несомнѣнный фактъ, безъ котораго невозможно объяснить, невозможно представить себѣ возникновеніе жизни на землѣ“. Они не догадываются, что смѣшиваютъ при этомъ фактъ съ объясненіемъ факта или фактъ съ гипотезою. Появленіе живыхъ существъ на землѣ есть фактъ, а самопроизвольное зарожденіе есть не фактъ, а объясненіе этого факта, или гипотеза, не только не объясняющая, но затемняющая его. „Твореніе“—чудо, потому что оно непостижимо, а „саморожденіе“ развѣ постижимо? Почему же первое есть чудо, а послѣднее не есть чудо? Отвергая чудеса, они замѣняютъ одно чудо другимъ еще болѣе удивительнымъ; желая избѣжать одного чуда, они прибѣгаютъ къ другому еще болѣе изумительному, и такимъ образомъ попадаютъ, какъ говорится, изъ огня да въ полымя. Но предполагая, что Бога нѣтъ, они не теряютъ надежды фактически доказать возможность самопроизвольнаго зарожденія, а чрезъ то неопровержимо доказать и то, что Бога дѣйствительно нѣтъ, что твореніе возможно и безъ Творца; они надѣются найти такія условія, при которыхъ изъ неживой матеріи образуется живая; они убѣждены, что стоитъ только взять извѣстныя количества извѣстныхъ матеріаловъ, поставить ихъ въ надлежащія условія—и организмъ готовъ. Предположимъ, что они достигли своей цѣли: они показали, а мы своими глазами

видѣли появленіе такого организма, который несомнѣнно никакимъ путемъ не произошелъ ни отъ какого другого. Какъ назвать появленіе на свѣтъ этого новаго организма? Есть ли достаточное основаніе утверждать, что онъ самъ родилъ себя? Никакого готоваго зародыша тутъ не было, но были тутъ люди. Что они дѣлали? Одни изъ нихъ были простыми зрителями, или свидѣтелями, а другіе—дѣятелями. Что дѣлали—эти послѣдніе? Они творили... Сами того не подозрѣвая, они были творцами... Мы были свидѣтелями не „саморожденія“, а „творенія“. А гдѣ тутъ самопроизвольность? Волю мы находимъ въ творцахъ, а не въ твари: тварь явилась по неволѣ, по необходимости, т. е. явилась не по своей волѣ, а по волѣ своихъ творцевъ. Но удивительное дѣло: признавая самопроизвольность въ рожденіи, они не признаютъ самопроизвольности въ жизни самопроизвольно родившихся организмовъ и въ жизни ихъ потомковъ, отрицаютъ свободу воли даже и въ человѣкѣ. Кромѣ самопроизвольнаго зарожденія, никакихъ другихъ самопроизвольныхъ дѣйствій они не признаютъ. Въ несуществующемъ организмѣ они находятъ самопроизвольность, а въ существующемъ не находятъ ея. Значитъ не имѣющее жизни имѣетъ волю, а имѣющее жизнь не имѣетъ воли. Ни у одного изъ нынѣ существующихъ организмовъ нѣтъ воли, а у перваго организма, отъ котораго они произошли, она была только до его саморожденія, послѣ же саморожденія, въ первый же мигъ жизни, она безслѣдно исчезла.

Если живая матерія сама себя родила, сама себѣ дала жизнь, то неживая матерія сама себя сотворила, сама себѣ дала бытіе. Если было самопроизвольное саморожденіе, то было и самопроизвольное самотвореніе, самосозданіе. Кто хочетъ доказать возможность саморожденія, возможность превращенія матеріи, не имѣющей жизни, въ матерію, имѣющую жизнь, тотъ прежде долженъ доказать возможность самотворенія, возможность превращенія матеріи, не имѣющей бытія, въ матерію, имѣющую бытіе, потому что во всемъ нужна послѣдовательность, нуженъ порядокъ, нуженъ постепенный переходъ отъ легкаго къ трудному, отъ простаго къ сложному. Послѣднее доказательство должно предшествовать первому по двумъ причинамъ: во 1-хъ потому, что неживая матерія явилась прежде живой, а во 2-хъ потому,

что неживая матерія проще живой и слѣд. доступнѣе для изученія. Пусть мудрецы попробуютъ начать съ начала, а не съ середины: удастся доказать самотвореніе неживой матеріи, удастся доказать и саморожденіе живой матеріи. Но что доказалъ бы тотъ человѣкъ, которому удалось бы *ничто* превратить въ *нѣчто*? Онъ доказалъ бы невозможность „самотворенія“, потому что показалъ бы себя „творцемъ“, доказалъ бы противное тому, что хотѣлъ доказать ¹⁾).

Ни „саморожденіе“, ни „самотвореніе“ невозможны, но для всѣхъ ли существъ и для всѣхъ ли веществъ?

Нужно отличать бытіе и жизнь условныя отъ бытія и жизни безусловныхъ.

1) Нужно рѣшить два вопроса:

1) Что легче сдѣлать: дать жизнь имѣющему бытіе (но не имѣющему жизни) или дать бытіе неимѣющему бытія? Создать живую матерію изъ неживой или неживую ни изъ какой?

2) Можетъ ли дать жизнь не имѣющему жизни, превратить неживое въ живое тотъ, кто не можетъ дать бытія не имѣющему бытія, не можетъ не сущее превратить въ сущее, ничто—въ нѣчто?

Какъ бы ни былъ рѣшенъ первый вопросъ, на второй можетъ быть только отрицательный отвѣтъ.

Если матерія не могла сама себя дать бытія, то кто далъ ей бытіе? Движеніе? Но что же двигалось? Можетъ ли *ничто* само себя превратить въ *нѣчто*? Можетъ ли ничто имѣть какую-нибудь силу? Возможна ли матерія безъ силы? Возможна ли сила безъ матеріи. Возможна ли самобытная матерія. Возможна ли самобытная сила? Можетъ ли сила превратить ничто въ нѣчто? небытію дать бытіе? привести матерію изъ небытія въ бытіе? Какая сила нужна для созданія міра? Сколько силъ нужно для этого? Міръ единъ, слѣд. и сила, создавшая его, едина. Какова же эта единая сила? Можетъ ли она быть неразумною? Можетъ ли неразумное создать разумное? Сила, создавшая міръ, должна обладать всеми тѣми свойствами, какія приписываются Богу. Сила эта—Богъ.

Во многихъ языкахъ для названія Высочайшаго Существа, какъ Творца міра, служатъ слова, значація „Сила“. Таковы, напримѣръ: еврейское „эль“ и египетское *nutar*. По объясненію Пажа Ренуфа (англійскаго египтолога) египетское выраженіе: *nutar nutra* точно соотвѣтствуетъ еврейскому: эль шаддай. Выраженіе: *nutar nutra amtuheret* значитъ „всемогущая сила (всесильная сила, всемогущая мощь), пребывающая на небѣ“. Санскритское *Brahman* первоначально означало „силу“ („Вѣра и Разумъ“. 1886 г. № 12). Весьма вѣроятно, что и славянское „Богъ“ первоначально значило: „сила“. Сравн. слова: „убогій“, „небогій“ (несильный, немощный, нищій) „убожество“ съ словами: „богатый“, „богачъ“, „богатство“. Слово „богатый“ т. е. имѣющій бог () не значило ли прежде: имѣющій силу, или силы? а „богачъ“ не значило ли „силачъ“?

Никакое вещество, имѣющее условное бытіе, не могло создать себя и никакое существо, имѣющее условную жизнь, не могло родить себя.

Только вещество, имѣющее безусловное бытіе, могло бы создать себя, и только существо, имѣющее безусловную жизнь, могло бы...

Нѣтъ и быть не можетъ ни одного вещества, имѣющаго безусловное бытіе, но можетъ быть и есть одно существо, имѣющее безусловную жизнь.

Что же слѣдуетъ изъ этого? Слѣдуетъ ли, что это Единственное существо родило Себя?

Слѣдуетъ только то, что Оно Само Себѣ дало бытіе и жизнь, а какимъ способомъ, какимъ образомъ—это неизвѣстно.

Если Существо имѣетъ жизнь, не полученную Имъ ни отъ кого другого, то Оно имѣетъ жизнь, полученную имъ отъ Самого Себя.

Имѣніе жизни, ни къмъ другимъ Ему не данной, ни отъ кого другого Имъ не полученной, и имѣніе жизни, данной Имъ Самому Себѣ, полученной Имъ отъ Самого Себя, равно непостижимы для насъ.

Сказать, что Богъ имѣетъ бытіе, которое никто другой не далъ Ему, которое Онъ ни отъ кого другого не получилъ, значить сказать, что Богъ имѣетъ бытіе, которое Онъ далъ Самъ Себѣ, которое Онъ получилъ отъ Самого Себя.

Но дать Себѣ бытіе не значить сотворить или родить Себя.

„Твореніе“ и „рожденіе“ суть только два изъ нѣсколькихъ различныхъ видовъ, образовъ или способовъ даянія бытія.

А различные способы даянія бытія имѣютъ различное достоинство.

„Рожденіе“ выше „исхожденія“, а „исхожденіе“ выше „творенія“, но есть способъ, который выше и „рожденія“.

Самый низшій называется „твореніемъ“, а самый высшій—
“ (никакъ не называется).

Ни въ одномъ языкѣ человѣческомъ не найдется такого слова, которымъ бы хотя сколько-нибудь можно было выразить этотъ способъ.

Вотъ этимъ-то неизреченнымъ, неизглаголанымъ, несказаннымъ способомъ Богъ и далъ бытіе Себѣ.

Даяніе бытія и жизни Себѣ не можетъ быть ни созданиємъ, ни рожденіемъ Себя.

Если бы Богъ создалъ Себя, то Ему не было бы никакой надобности познавать Себя, потому что въ такомъ случаѣ Онъ зналъ бы Себя прежде созданія Себя, а если Богъ не создалъ Себя (и не могъ создать), но далъ Себѣ бытіе инымъ, самымъ высшимъ способомъ, то Онъ необходимо долженъ былъ познать Себя.

Позналъ ли Себя Богъ? Знаетъ ли Онъ Себя? Можетъ ли Онъ не знать Себя? Вполнѣ ли Онъ знаетъ Себя? Можетъ ли Его знаніе быть неполнымъ? Что же такое это знаніе?

Знаніе Богомъ Самого Себя, какъ знаніе *Божіе* есть *полное*, а какъ полное, оно *равно* своему объекту, а какъ равное своему Объекту, *Оно есть Богъ* (потому что Объектъ этого Знанія есть Богъ).

Можно ли сказать, что пока Богъ не позналъ Себя, Онъ былъ одинъ, а когда позналъ Себя, тогда сталъ не одинъ.

И можно ли сказать, что прежде познанія былъ одинъ Богъ, а послѣ познанія стало два Бога.

Сравните слѣдующія два выраженія:

1. Знаніе Богомъ Самого Себя есть Богъ.
2. Знаніе Богомъ Бога есть Богъ.

Изъ перваго выраженія нельзя, а изъ втораго можно вывести заключеніе, что Богъ одинъ.

„Знаніе Богомъ Самого Себя“ и „Знаніе Богомъ Бога“ не одно и то же.

„Знаніе Богомъ Бога“ можетъ значить не только „Знаніе Богомъ Самого Себя“, но и „Знаніе *однимъ* Богомъ *другого* Бога“.

Если бы существовало два, такъ сказать, самостоятельныхъ, независимыхъ другъ отъ друга, два отдѣльныхъ Бога, то чрезъ познаніе могло бы произойти и всякое число Боговъ, начиная съ трехъ.

Если бы изъ этихъ двухъ Боговъ ни одинъ не позналъ другого, а каждый только Самого Себя, то число Боговъ было бы 2, а не 4.

Если бы изъ этихъ двухъ Боговъ только одинъ позналъ другого и каждый Самого Себя, то число Боговъ было бы 3, а не 6, предполагая, что тотъ Богъ, который получилъ бытіе чрезъ познаніе однимъ Богомъ другого, не позналъ ни-

кого изъ Боговъ, кромѣ Себя, и что болѣе никакихъ познаний не было.

Если бы эти два Бога оба познали другъ друга и каждый Самого Себя, то число Боговъ было бы 4, а не 8.

Знаніе Богомъ Бога, однимъ Богомъ другого Бога, могло бы быть отдѣльнымъ, третьимъ Богомъ только въ такомъ случаѣ, если бы возможно было существованіе двухъ отдѣльныхъ, самостоятельныхъ, независимыхъ другъ отъ друга Боговъ, изъ которыхъ одинъ позналъ другого; а знаніе Богомъ Самого Себя ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть отдѣльнымъ вторымъ Богомъ.

Знаніе Богомъ Самого Себя есть *особый*, но не *отдѣльный* Богъ, а слѣдовательно не есть *второй* Богъ.

Единый Богъ и послѣ познанія Себя остается единымъ Богомъ.

Нужно отличать „самопознаніе“ отъ „инопознанія“.

Существованіе знанія предполагаетъ существованіе знающаго и знаемаго. Безъ субъекта и объекта невозможно знаніе.

Субъектъ, объектъ и знаніе. Сколько предметовъ?

Если одинъ субъектъ позналъ одинъ объектъ, то сколько всѣхъ предметовъ въ этомъ случаѣ? Сколько ихъ было до познанія и сколько ихъ стало послѣ познанія?

Считать эти предметы можно трояко, принимая въ соображеніе: или 1) только ихъ отдѣльность, или 2) ихъ *особность*, или и 3) ихъ роль въ актѣ познанія.

Всякій отдѣльный предметъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и *особый* предметъ, но не всякій *особый* есть вмѣстѣ съ тѣмъ и отдѣльный.

Субъектъ и объектъ могутъ быть или однимъ и тѣмъ же предметами—однородными и разнородными.

Если субъектъ и объектъ суть одинъ и тотъ же предметъ, то знаніе этимъ субъектомъ этого объекта есть знаніе самого себя: самознаніе, себязнаніе.

Если субъектъ и объектъ суть два предмета, то знаніе этимъ субъектомъ этого объекта есть знаніе кого-нибудь или чего-нибудь иного: познаніе.

При самопознаніи субъектъ и объектъ не только не отдѣльные, но и не *особые* предметы, а при инопознаніи это не только *особые*, но и отдѣльные предметы.

Субъектъ и объектъ могутъ быть однимъ и тѣмъ же предметомъ, но *субъектъ* и принадлежащее ему *знаніе* ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть *однимъ и тѣмъ же предметомъ*.

Субъектъ и принадлежащее ему знаніе суть два особыхъ предмета, но они могутъ быть и нераздѣльны и отдѣльны.

Какое наименьшее число предметовъ можетъ быть въ разныхъ случаяхъ при *полномъ* знаніи *одного* объекта *однимъ* субъектомъ?

Субъектъ и объектъ могутъ быть или *однимъ и тѣмъ же предметомъ* или *двумя* предметами, а знаніе можетъ находиться или *только внутри* субъекта или *и внутри и внѣ* его. (См. стр. 384).

Разсмотримъ 4 случая. Для краткости, субъектъ означимъ буквою А; объекты—буквами А и В; самознаніе, находящееся внутри субъекта,—буквою А', а находящееся внѣ субъекта,—буквою А''; инознаніе, находящееся внутри субъекта,—буквою В', а находящееся внѣ субъекта,—буквою В''.

	Субъект.	Объект.	Знаніе.	Знаніе.		Пер.	Втор.	Тр.	Счеты.
I-й	А	В	В'	В''		3	4	4	Предмета
II-й	А	В	В'			2	3	3	„
III-й	А	()	А'	А''		2	3	4	„
IV-й	А	()	А'			1	2	3	„

Въ I-мъ случаѣ по первому счету *три* предмета: А, В, В''; по второму *четыре*: А, В, В', В''; по третьему также *четыре*.

Во II случаѣ по первому счету два предмета: А, В; по второму *три*: А, В, В''; по третьему также *три*.

Въ III случаѣ по первому счету два предмета: А, А''; по второму три: А, А', А''; по третьему *четыре*: А (субъектъ), А (объектъ), А'.

Въ послѣднихъ двухъ случаяхъ, при третьемъ счетѣ, одинъ и тотъ же предметъ считался два раза.

Такъ ли относится А'', какъ В'' къ В? Если А берется въ качествѣ объекта, то отношеніе А'' къ А равно отношенію В'' къ В, а если А берется въ качествѣ субъекта, то эти два отношенія не равны между собою. В есть оригиналь, а

В'' его копія и А есть оригиналъ, а А'' — его копія, но В'' получилъ свое бытіе не отъ В, а А'' получилъ свое бытіе отъ А.

Сравните отношеніе А'' съ отношеніемъ А' къ А.

По содержанію или сущности $A'' = A' = A$, но А'' есть внѣшній, а А' — внутренній предметъ относительно субъекта А.

Субъектъ А выдвинулъ изъ себя А' и это А' стало А'', т. е. изъ внутренняго сдѣлалось внѣшнимъ.

А и А'' суть особые и отдѣльные предметы, а А и А' — особые, но нераздѣльные предметы.

А и А' по ихъ особенности, можно назвать „особами“, „лицами“, „персонами“, „ипостасями“; а по ихъ нераздѣльности „существомъ“, „индивидуумомъ“.

А и А' суть два лица, но одно существо; два лица въ одномъ существѣ; двоица въ единицѣ.

Но А и А'' суть два существа, изъ которыхъ каждое есть двоица въ единицѣ, если и А'' познало себя.

Какая можетъ быть цѣль у существа А отдѣлять отъ себя свое знаніе себя, выдвигать его изъ лона своего во внѣ. чтобы сдѣлать его отдѣльнымъ отъ себя существомъ?

Изъ четырехъ вышеприведенныхъ случаевъ познанія первые два суть инопознанія, а послѣдніе два — самопознанія.

Который изъ этихъ двухъ случаевъ самопознанія сходенъ съ Самопознаніемъ Божиимъ?

Знаніе Богомъ Себя есть Богъ, но не другой или второй и не тотъ же самый: не другой, потому что не имѣетъ *отдѣльнаго* бытія; не тотъ же самый, потому что имѣетъ особое бытіе.

Другого отдѣльнаго Бога не можетъ быть уже по одному тому, что для него, такъ сказать, *нѣтъ мѣста*. Богъ вездѣсущъ. Правда, что вездѣсущіе Божіе не должно быть понимаемо чувственнымъ образомъ, какъ пространственное, что для Бога ни пространство, ни время не нужны, что Богъ есть Существо безпространственное и безвременное. Такихъ выраженій, какія встрѣчаются напр. въ одѣ Державина „Богъ“: „О Ты пространствомъ безконечный“, „Теченьемъ времени превѣчный“ и т. п. нельзя принимать въ буквальномъ смыслѣ. Но что же отсюда слѣдуетъ? Слѣдуетъ ли, что есть мѣсто и для втораго Бога? А можетъ быть, кромѣ

тѣлеснаго пространства, есть еще и духовное пространство. Для тѣль—тѣлесное, для духовъ—духовное. Во всякомъ случаѣ остается несомнѣннымъ, что все въ Богѣ и Богъ во всемъ. Слѣдовательно и о всякомъ пространствѣ и тѣлесномъ и духовномъ (если оно есть), нужно сказать тоже: оно въ Богѣ и Богъ въ немъ. Гдѣ же мѣсто для второго Бога? Нигдѣ, какъ только въ первомъ.

Если Богъ находится въ Богѣ, то сколько это Боговъ? Если изъ двухъ Боговъ, находящихся другъ въ другѣ, второй получилъ свое бытіе отъ перваго, то сколько это Боговъ?

На который изъ этихъ вопросовъ можно отвѣтить: „два“?

Двухъ отдѣльныхъ, независимыхъ другъ отъ друга, самостоятельныхъ Боговъ быть не можетъ.

Если же изъ двухъ Боговъ одинъ получилъ бытіе отъ другого, то и получившему бытіе тоже нѣтъ мѣста внѣ давашаго Ему бытіе. Они находятся другъ въ другѣ. Слѣд., это не два отдѣльныхъ существа, а одно нераздѣльное существо, не два Бога, а одинъ Богъ.

Сравните слѣдующіе два случая:

I. Единъ вполне позналъ себя и стало два совершенно равныхъ между собою. Они не отдѣлились другъ отъ друга, они находятся другъ въ другѣ.

II. Единъ вполне позналъ себя и стало два совершенно равныхъ между собою. Они отдѣлились другъ отъ друга.

Предположимъ, что во II-мъ случаѣ послѣ раздѣленія эти два остались оба безъ знанія и самихъ себя и другъ-друга.

Послѣ познанія въ I случаѣ есть *единъ*, въ которомъ два, а во II-мъ нѣтъ. Въ обоихъ случаяхъ есть два, но во II-мъ они *раздѣльны*, а въ I-мъ *нераздѣльны*.

Въ I-мъ есть, а во II-мъ нѣтъ *двоицы* въ *единицѣ*.

Въ I-мъ есть два, которые *едино суть*, а во II-мъ есть два, которые *не суть едино*.

Ни этому единому, ни этимъ двумъ, которые едино суть, не дано здѣсь никакого названія.

Можно ли каждому изъ двоицы дать то же самое названіе, какое дано единицѣ? Нужно ли каждому изъ двоицы дать одно и то же названіе, а единицѣ (двоицѣ, составляющей единицу, двоицѣ—единицѣ, двуединому)—иное?

а) Можно и эту единицу и каждого изъ нераздѣльной двоицы называть „существомъ“.

Знающій себя есть *существо* и его полное знаніе себя есть также *существо*, но это не *два* существа, а *одно* существо.

б) Можно и эту единицу и каждого изъ нераздѣльной двоицы называть „лицемъ“.

Знающій себя есть *лице* и его полное знаніе себя есть также *лице*, но это не два лица, а *одно* лице.

с) Точно такимъ же образомъ употребляется и имя „Богъ“.

Знающій Себя есть *Богъ* и Его полное *Знаніе* Себя есть также *Богъ*, но это не *два* Бога, а *одинъ* Богъ.

Есть и другой способъ наименованія: Единицу (двоицу) называютъ „Существомъ“, а каждого изъ нераздѣльной двоицы (единицы)—„Лицомъ“.

При такомъ наименованіи уже нельзя сказать, что это не два лица, а одно лицо, или что эти два лица суть одно лице, потому что „Единый“ названъ „Существомъ“.

Но когда мы скажемъ:

„это Существо есть Богъ и каждое изъ двухъ Лиць въ этомъ Существоѣ есть также Богъ“—

тогда мы опять должны сказать:

„хотя и каждое изъ двухъ Лиць есть Богъ, но это не два Бога, а одинъ Богъ“.

Вотъ этотъ-то счетъ и находили и находятъ многіе страннымъ, непостижимымъ и невѣрнымъ, онъ-то и приводилъ и приводитъ многихъ въ недоумѣніе, но если вникнуть въ него хорошенько, какъ должно, то въ немъ не найдется ничего страннаго, непостижимаго и невѣрнаго.

Всѣ экземпляры одного и того же изданія какого-нибудь сочиненія имѣютъ одно и тоже содержаніе и потому одно и тоже имя или заглавіе. Но слѣдуетъ ли отсюда, что этихъ сочиненій столько же, сколько и экземпляровъ? Экземпляровъ *много*, а сочиненіе *одно*, хотя каждый экземпляръ есть именно *это* сочиненіе, имѣющее такое-то названіе.

Лиць *много*, а существо *одно*, хотя каждое лицо есть именно это существо; и потому каждое лицо должно быть называемо такъ же, какъ называется существо.

Какъ ни слаба эта аналогія вообще и особенно въ подробностяхъ, но она достаточна для уясненія разсматриваемаго нами богословскаго счета и отношенія лицъ къ существу.

Изъ подробностей, нарушающихъ полноту аналогіи между „сочиненіемъ“ и „существомъ“, есть такая, которая черезъ самое нарушеніе этой аналогіи, еще болѣе уясняетъ намъ то, что намъ нужно уяснить себѣ. Экземпляры отдѣльны и Лица отдѣльны; но отдѣльность экземпляровъ не сходна съ отдѣльностью Лиць: экземпляры отдѣльны *раздѣльно*, а Лица отдѣльны *нераздѣльно*, или экземпляры *отдѣльно* особны, они не находятся одинъ въ другомъ, а Лица *нераздѣльно* особны, они находятся одно въ другомъ. Если *отдѣльная особность* экземпляровъ не препятствуетъ намъ считать ихъ за одно сочиненіе, то *нераздѣльная особность* Лиць еще менѣе препятствуетъ намъ считать ихъ за одно Существо.

Каждое человѣческое лице (личность, особа, особъ) есть человѣкъ, и каждое Божеское Лице есть Богъ, но о человѣческихъ лицахъ можно говорить, что сколько лицъ, столько и человѣкъ, а о Божескихъ Лицахъ нельзя говорить, что сколько Лиць, столько и Боговъ. Почему? Потому, что человѣческія лица раздѣльно отдѣльны, а Божескія Лица нераздѣльно отдѣльны.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).